

А.Г. Тепляков*

«ЖИЗНЬ ЧЕКИСТА-ОПЕРАТИВНИКА»:
ВОСПОМИНАНИЯ М.П. ШРЕЙДЕРА (ЧАСТЬ 5)**doi:10.31518/2618-9100-2022-6-17
УДК 351.746"192"(093.3)*Выходные данные для цитирования:*
Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 5) // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 221–250.
URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-17.pdf>

A.G. Teplyakov*

M.P. SCHRADER'S MEMORIES
"LIFE OF THE OFFICER OF SECRET POLICE" (PART 5)**

doi:10.31518/2618-9100-2022-6-17

How to cite:
Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 5) // Historical Courier, 2022, No. 6 (26), pp. 221–250. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-6-17.pdf>]

Abstract. This publication is another part of the extensive memoirs of the prominent Chekist M.P. Schreider (1902–1978) "The Life of a Chekist Operative". Mikhail Shreider worked with major Chekists of both the central apparatus of the Cheka-OGPU and the periphery. Considered a valuable operative, Schrader participated in many covert actions of secret police. His memoirs deal with episodes from the specific work of the Chekists, both in relation to political opponents and criminal elements. The author gives a lot of information about the daily life and life of the leaders and rank and file of the secret police under Lenin and Stalin, many of which are still known only from schematic information from official biographies. It is important that Mikhail Shreider writes in detail and claims to be objective, therefore he reports a lot of information about the mercenary and service crimes of the Chekists themselves, and also often critically and ironically tells about his own person. Schrader's memoirs are written in an absolutely Soviet language, imbued with the worldview of a fanatical communist, but they reveal an extraordinary memory and have undoubted literary merit. It is important that some of the episodes from The Life of a Chekist Operative, both known and still awaiting publication, have now been confirmed by some of the latest documentary publications. In the future, a complete version of Schrader's memoirs will be of significant help to historians. One fifth of the published text refers to Schrader's work in the currency group of the Economic Department of the OGPU in the late 1920s.

* **Алексей Георгиевич Тепляков**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

Aleksey Georgievich Teplyakov, Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: teplyakov-alexey@rambler.ru

** Предыдущие части:

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 1) // Исторический курьер. 2019. № 1 (3). Статья 13. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 2) // Исторический курьер. 2019. № 6 (8). С. 214–227. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf>

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 3) // Исторический курьер. 2020 № 1 (9). С. 179–229. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf>

Тепляков А.Г. «Жизнь чекиста-оперативника»: воспоминания М.П. Шрейдера (часть 4) // Проблемы истории общества, государства и права: сб. науч. тр. Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2021. Вып. 14. С. 370–397.

Previous parts:

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 1) // Historical Courier, 2019, No. 1 (3). Article 13. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-1-13.pdf>]

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 2) // Historical Courier, 2019, No. 6 (8). P. 214–227. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-17.pdf>]

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 3) // Historical Courier, 2020, No. 1 (9). P. 179–229. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-1-15.pdf>]

Teplyakov A.G. M.P. Schrader's Memories "Life of the Officer of Secret Police" (Part 4) // Problems of the History of Society, State and Law: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Ural State Law University, 2021. Iss. 14. P. 370–397.

Keywords: Economic department of the OGPU, currency group, confiscations, Moscow, Prokofiev, Mironov, secret agents.

The article has been received by the editor on 10.09.2022. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Данная публикация представляет собой очередную часть обширных воспоминаний М.П. Шрейдера (1902–1978) «Жизнь чекиста-оперативника». Михаил Шрейдер работал вместе с видными деятелями органов государственной безопасности как центрального аппарата ВЧК-ОГПУ, так и периферии. В качестве оперативного сотрудника Шрейдер участвовал во множестве секретных акций политической полиции. Его мемуары касаются эпизодов конкретной работы чекистов как в отношении политических противников, так и уголовных элементов. Значительная часть публикуемого здесь текста относится к работе Шрейдера в валютной группе Экономического управления ОГПУ конца 1920-х гг. Автор дает массу информации о повседневной жизни и быте руководящего и рядового состава сотрудников тайной полиции, о многих из которых до сих пор известны только скупые схематичные сведения из официальных биографий. Важно, что Шрейдер пишет подробно и претендует на объективность, поэтому сообщает в том числе сведения о корыстных и служебных преступлениях сотрудников «органов», а также нередко критически и иронически повествует о собственной персоне. Мемуары Шрейдера написаны абсолютно советским языком, проникнуты мировоззрением фанатичного коммуниста, но обнаруживают незаурядную память и обладают несомненными литературными достоинствами. Важно, что часть эпизодов из «Жизни чекиста-оперативника», как опубликованных, так и еще ждущих публикации, к настоящему времени подтверждена рядом новейших документальных публикаций.

Ключевые слова: Экономическое управление ОГПУ, валютная группа, конфискации, Москва, Прокофьев, Миронов, конспиративная агентура.

Статья поступила в редакцию 10.09.2022 г.

Воспоминания видного чекиста и работника милиции 1920–1930-х гг. М.П. Шрейдера являются уникальным источником по откровенности и насыщенности ценными сведениями. Известная с 1995 г. и часто цитируемая публикация мемуаров Шрейдера включает в себя менее половины сохранившейся рукописи, при этом можно с уверенностью сказать, что ждущие обнародования страницы не менее ценны для историков. Ранее «Исторический курьер» осуществил публикацию трех фрагментов неизвестной до сей поры части мемуаров Шрейдера, относящихся к 1920–1928 гг., когда молодой чекист, работавший в системе особых отделов ВЧК, получил первые навыки секретной работы, помогая советизировать Белоруссию и Грузию. Затем Шрейдер был переведен в Москву, где успешно работал в губотделе ГПУ и центральном аппарате ГПУ-ОГПУ.

Предлагаемый в данном выпуске фрагмент рукописи относится к периоду конца 1920-х гг. и посвящен деятельности автора в составе валютной группы Экономического управления (ЭКУ) ОГПУ. Это подразделение центрального аппарата занималось, по терминологии того времени, «выкачкой» как иностранной валюты, так и монет из драгоценных металлов царской и советской чеканки. Опираясь на законодательство, запрещавшее с отменой нэпа иметь в личной собственности не только валюту, но и сколько-нибудь заметное количество изделий из благородных металлов и драгоценных камней, чекисты развернули масштабную работу по поиску и изъятию ценностей у населения.

Вербую нэпманов, прежде всего маклеров «черной биржи», сотрудники валютной группы ЭКУ ОГПУ сосредотачивали в своих руках обширную информацию обо всех лицах, причастных в прошлом к валютным операциям, а также просто собственниках, у которых могли иметься ценности, не обменные на рубли. С помощью угроз и шантажа чекисты заставляли нэпманов расставаться с припрятанной на черный день валютой и драгоценностями. Шрейдер, подробно описывая «кухню» чекистской работы, приводит интересные сведения об операциях ОГПУ по вербовке источников и поиску валюты, которые приводили в ряде случаев к очень крупным конфискациям, как пишет Шрейдер, на нужды индустриализации. Интересен приводимый им пример задержания с крупной суммой в золотой валюте латвийского дипломата, которому в результате этой чекистской операции, официально выданной за милицейскую, пришлось покинуть страну. Часть операций, особенно в провинции, производилась работниками валютной группы с риском для собственной жизни и здоровья.

Успехи в «выкачке» валюты стали важной ступенью в карьере Шрейдера. Молодой чекист стал известен руководству органов госбезопасности СССР в лице руководителей ЭКУ ОГПУ, о покровительстве которых он с гордостью сообщает. Автор дает множество личных характеристик начальственному и рядовому составу ОГПУ, упоминает о ведомственных противоречиях и не скрывает случаев коррумпированности в самой чекистской среде. Содержательны, при всей недоброжелательности, и портреты деятелей теневой экономики, с которыми боролись чекисты, успешно добираясь до тщательно укрываемых тайников. Шрейдер с удовлетворением описывает те хитрости, как обычные, так и изощренные, с помощью которых сотрудники валютной группы «выходили» на состоятельных людей и заставляли их расставаться как с нечестно нажитыми капиталами, так и фамильными ценностями, сбереженными на фоне социальных катаклизмов. Любопытны сведения о контактах чекистов с внесудебными инстанциями и прокурорскими работниками, которые давали санкции на бессудные расправы с держателями валюты, вплоть до применения расстрела.

Текст печатается по современной орфографии с полным сохранением авторского стиля. Ниже публикуется пятая по счету часть воспоминаний М.П. Шрейдера. Первые три части были помещены в журнале «Исторический курьер» № 1 (3) и № 6 (8) за 2019 г., № 1 (9) за 2020 г. Четвертая часть опубликована в сборнике «Проблемы истории общества, государства и права»: сб. научных трудов / гл. ред. проф. А.С. Смыкалин. – Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т, 2021. – Вып. 14. – С. 370–397.

16. Борьба с валютчиками

Вскоре после подачи мною рапорта меня откомандировали из особого отдела Московской пролетарской дивизии в распоряжение ОГПУ Центра и назначили помощником уполномоченного по секретному штату в 8-е отделение ЭКУ ОГПУ в валютную группу (вакантной штатной должности не было).

К моменту моего прихода в ЭКУ «борьбу с валютчиками» осуществлял технический работник, беспартийный молодой парень Сергей Арсатьянц¹, который как мог, так и «боролся». Начальство ничего не требовало, серьезной и систематической борьбы с валютчиками тогда еще никто не вел. Я в этом деле был абсолютным новичком и даже вряд ли смог отличить американские доллары от английских фунтов, а кроме того, не совсем ясно представлял себе, какой именно вред наносит советскому государству деятельность валютчиков. Все это мне пришлось постепенно изучать в процессе работы.

Начальником Экономического управления ОГПУ в то время был прекрасный руководитель и хороший оперативник Георгий Евгеньевич Прокофьев². Это был человек обаятельной внешности, высокий брюнет с небольшой проседью, чрезвычайно простой в обращении с подчиненными и отличающийся от многих начальников того времени высокой культу-

¹ Арсатьянц Сергей Григорьевич сотрудник ОГПУ-НКВД, на 1947 г. – сотрудник ОК атомного КБ-11 (ныне ВНИИ экспериментальной физики в ЗАТО Саров).

² Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895–14.08.1937, Москва). Комиссар ГБ 1-го ранга (1935). В 1926–1931 – нач. ЭКУ ОГПУ СССР, в 1932–1934 – зам. пред. ОГПУ СССР и нач. ГУРКМ ОГПУ, в 1934–1936 – второй зам. НКВД СССР. Арестован 11.04.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

рой. Он, например, никогда не позволял себе в разговорах употреблять какие-либо нецензурные выражения, на которые у ряда начальников была в то время даже своего рода «мода», которую, следует упомянуть, ввел и поддерживал в органах Ягода, бывший большим матерщинником.

Заместителем начальника ЭКУ был хороший большевик, прекрасно знающий все тонкости оперативной работы, исключительный товарищ и до застенчивости скромный человек Лев Григорьевич Миронов³, у которого в подчинении находилось наше восьмое отделение. От него я и получил первый урок по валютным делам во время моего дежурства по ЭКУ. Миронов в тот вечер задержался на работе и, подойдя ко мне, поинтересовался, как идут дела на новом поприще. Я откровенно рассказал ему, что пока никак, так как я ничего не понимаю в этом деле. Тогда он сел рядом со мною и почти всю ночь разъяснял мне сущность этой крайне нужной в то время для нашего советского государства работы и стал советовать, каким образом надо бы организовать это дело.

Этот ночной инструктаж и послужил отправной точкой для организации и развертывания работы по валютным операциям. Но прежде чем начать рассказывать о работе валютной группы, вкратце обрисую финансовое положение, сложившееся в СССР к 1928 г. Для укрепления экономики и стабилизации валюты советское правительство в 1922 г. выпустило новые деньги – червонцы, которые обеспечивались золотом. Зарплата рабочим и служащим выдавалась как новыми червонцами, так и облигациями государственных займов, которые также котировались наравне с золотом.

В те годы в наркомате финансов орудовала антисоветски настроенная группа из бывших царских чиновников, которые, пользуясь недостаточной компетенцией «молодых» советских работников в финансовых и валютных вопросах, подготовили и издали ряд неправильных, не учитывающих специфику первой в мире страны социализма приказов, благодаря которым можно было бумажные червонцы и облигации займа в любом банке обменять на золото или иностранную валюту⁴. Даже на так называемой «черной бирже» меняли облигации на золото.

С введением новой экономической политики была разрешена частная торговля. Бывшие дельцы начали открывать магазины, рестораны, организовывались частные акционерные общества, открылся ряд фабрик легкой промышленности. Советское государство сдавало в аренду частникам, в том числе и иностранным, многие предприятия, как, например, Алданзолото⁵ и др.

Иностранные дельцы не только старались выкачивать из этих предприятий большие прибыли, но с целью подрыва экономики советской страны занимались скупкой золота и всевозможных антикварных ценностей. Кроме того, большинство из них занималось шпионажем и вредительством, что впоследствии подтвердилось раскрытием крупных вредительских и шпионских центров на Алданзолоте, по делу английской фирмы «Метро-Виккерс» и др.⁶

Многочисленные нэпманы и купцы с нетерпением ожидали свержения советской власти и на весь свой свободный капитал скупали в огромном количестве золото, иностранную валюту и другие драгоценности. Спекулянты и валютчики скупали не только золото и валюту, но и всевозможные антикварные вещи: картины, старинные иконы, сервизы и т.п.,

³ **Миронов (Каган) Лев Григорьевич** (1895–29.08.1938, Коммунарка под Москвой). Комиссар ГБ 2-го ранга (1935). В 1926–1930 – пом. нач. ЭКУ, в 1931–1937 – нач. ЭКУ ОГПУ – ЭКО (КРО) ГУГБ НКВД СССР. Арестован 14.06.1937, расстрелян. Не реабилитирован.

⁴ Без этих мер реальная конвертируемость рубля была бы невозможной. Размен ценных бумаг на золото является нормальным рыночным механизмом, тем более что сам автор признает, что облигации даже на черном рынке приравнивались к золоту. Государство покупало золото у населения по заниженному курсу, о чем свидетельствует фраза в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова (1927) архивариуса и ростовщика Варфоломеича в разговоре с Воробьяниновым, который расплачивался золотыми десятками: «По [официальному] курсу приму. По девять с полтиной».

⁵ Имеется в виду АО «Лена Голдфилдс».

⁶ Отражение чекистской мифологии. Участники указанных «заговоров» в постсоветский период были реабилитированы.

которые частично через ряд иностранных посольств вывозились за границу под видом дипломатической почты.

Многие торговцы переводили свои капиталы за границу⁷ через иностранные посольства, доставляя своим иностранным хозяевам за эти «услуги» шпионские сведения⁸. Недалеко от Наркомфина (Ильинка, 9 – ныне ул. Куйбышева⁹) помещалась торговая палата. Там находилась легальная черная биржа, где орудовали спекулянты всех мастей и шпионы всех иностранных разведок. Такие же черные биржи были на Кузнецком мосту, в Столешниковом переулке, на Цветном бульваре, у Триумфальных ворот (ныне площадь Маяковского), где тогда было официальное казино с рулеткой, а также в ряде других мест.

В результате вредительской деятельности иностранных агентов и внутренней контрреволюции наш золотой запас и запасы иностранной валюты постепенно сосредотачивались в руках частных лиц, большинство из которых в ожидании свержения советской власти миллионы золота¹⁰, иностранной валюты и других драгоценностей замуровывали в стены домов, закапывали в землю и даже хоронили в гробах вместе с покойниками. А некоторые с помощью иностранных посольств, а также с помощью контрабандистов вывозили золото, бриллианты, иностранную валюту и другие драгоценности за границу.

В начале 1928 г., когда Советский Союз стал расширять свои торговые связи с заграницей и возникла необходимость закупки оборудования (станков, машин и пр.) для возрождения и создания новых промышленных предприятий, за которое надо было платить золотом, выяснилось, что у нас почти весь валютный и золотой фонд в результате вредительской экономической контрреволюции растрянжирен. Тогда-то и была поставлена перед органами ОГПУ задача изъять у частных лиц иностранную валюту и золото.

До 1928 г. валютчиков и спекулянтов арестовывали одиночками, если они попадались на какой-либо крупной спекуляции или на шпионском деле; теперь же этим делом приходилось заниматься более серьезно.

Когда меня назначили в 8-е отделение ЭКУ, валютная группа состояла всего из трех работников: Семена Львовича Римского (единственного в нашей группе, имеющего незаконченное высшее образование), меня и технического работника Сергея Арсатянца. Вскоре к нам последовательно были прикреплены сотрудники установочной группы из 7-го отделения¹¹: Оскар Брандт¹², Володя Попов-Пузаков¹³, Коган, Валентин Жуков, Николай Счастливец, Якубовский и ряд других. В процессе практической деятельности наша группа, в которую дополнительно подбирались подходящие работники, вырабатывала все новые и новые методы выявления валютчиков и борьбы с ними.

Необходимо подчеркнуть, что основную руководящую и решающую роль в деле организации борьбы с валютчиками и изъятия валюты в те дни играл заместитель начальника ЭКУ Лев Григорьевич Миронов. Также ему принадлежала инициатива начала проведения так называемых баратных операций, т.е. получения из заграничных банков по доверенностям валюты, переведенной туда промышленниками, купцами и скупщиками – [как] до революции, [так] и нелегально после революции.

⁷ Это было следствием неуверенности нэпманов в государственной политике, которая по отношению к частному капиталу была враждебной и шла по линии всевозможных ограничений.

⁸ Чекисты считали шпионажем сообщение любой информации иностранцам.

⁹ В 1935–1990 гг.

¹⁰ Так в тексте. Речь идет преимущественно о золотых монетах царской чеканки, во множестве сохранявшихся на руках населения.

¹¹ Это означало, что костяк отделения по борьбе с валютчиками составили лица, имевшие опыт в установлении адресов и местонахождения интересовавших чекистов лиц.

¹² **Брандт Оскар Маркович** (25.12.1901–?). Капитан ГБ (1935). Беспартийный. Уроженец Тересполья (Польша), еврей, образование среднее. В РККА с 15.11.1919. В нач. 1930-х гг. – опер. ЭКУ ОГПУ СССР, награжден орд. Красной Звезды (20.12.1932). С авг. 1934 – пом. нач. 8-го отделения ЭКО ГУГБ НКВД СССР. В июне 1938 уволен с должности пом. нач. 2-го отделения КРО ГУГБ НКВД СССР. Арестован 25.05.1938 и ОСО при НКВД СССР осужден 19.12.1939 на 8 лет ИТЛ. Амнистирован. Уволен с 09.05.1944, подполковник.

¹³ **Пузаков (Попов) Владимир Павлович** сотрудник ОГПУ-НКВД СССР, мл. лейтенант ГБ (1935).

Поскольку до этого борьба с валютчиками почти не велась, на первых порах нам пришлось работать вслепую, так как мы не имели почти никакой агентуры. Пришлось через налоговые финансовые органы выявлять всех крупных частных торговцев и затем приглашать их для бесед в ОГПУ. Смысл бесед сводился примерно к следующему:

– Вы советский гражданин, – говорил кто-либо из нас приглашенному к нам нэпману. – Нам известно, что вы в свое время скупали иностранную валюту и золото, следовательно, у вас должны быть запасы таковых. Теперь Советский Союз приступил к индустриализации, и нам необходимо закупать машины, станки и прочее оборудование за границей, которое можно приобрести только на золото и иностранную валюту. Поэтому мы предлагаем вам сдать имеющуюся у вас валюту и золото государству. За них вы получите полностью возмещение совзнаками по существующему курсу¹⁴.

Затем следовало предупреждение:

– В случае если вы не сдадите валюту и золото добровольно, мы все равно ее найдем, но тогда она будет конфискована, а вы будете осуждены.

Значительная часть задержанных соглашалась добровольно сдать валюту. Правда, далеко не всегда они полностью сдавали все, что имели. Многие из них сдавали небольшую часть, а значительные суммы скрывали.

Некоторые из этих «добровольно раскулаченных»¹⁵ соглашались стать нашими агентами, что для нас было очень ценно, так как все эти нэпманы имели огромные связи в торговом мире и были в курсе всех коммерческих дел, касающихся валюты. И, что самое важное, пользовались у валютчиков большим доверием.

Но основной костяк агентуры мы старались составить из лиц, которые в прошлом были маклерами (посредниками), постоянно наводняли «черные биржи» и занимались скупкой и перепродажей валюты, золота, бриллиантов и других драгоценностей. Большею частью сами они не имели значительных накоплений, но зато отлично знали всех крупных спекулянтов валютой, были в курсе всех валютных операций, совершавшихся на протяжении многих лет, и помнили, кто, где, когда и сколько скупил валюты или золота. У некоторых из этих маклеров сохранились записные книжки, в которых они систематически заносили все известные им валютные операции, приводя фамилии спекулянтов-валютчиков, время покупки и другие подробности. Эти записные книжки весьма и весьма пригодились нам.

Кроме того, у нас имелись осведомители в магазинах Ювелирторга и в частных часовых мастерских, где в те времена обычно проводились многие валютные операции. И хотя последние в большинстве состояли из жуликов и спекулянтов, но и они оказывали нам определенную помощь. А при выявлении малейшего двурушничества с их стороны мы привлекали их к уголовной ответственности через Коллегию ОГПУ¹⁶.

Как я уже указывал выше, многие из наших агентов – «добровольно раскулаченных» нэпманов – не полностью сдавали валюту, ограничиваясь незначительными суммами, поэтому нам впоследствии приходилось перепроверять и перекрывать их агентурные донесения. И если по их материалам задерживался тот или иной валютчик, то мы не только принимали меры к изъятию у него валюты, но попутно пытались получить, и очень часто с успехом получали материалы на наших агентов-валютчиков, не полностью сдавших валюту и имеющих еще большие запасы таковой.

Таким образом, получалась следующая картина. Агент «А» сообщал нам, что у торговцев «Б» и «В» имеется валюта. В донесении указывалось, у кого и когда валюта была ими приобретена. После этого мы проводили агентурную установку, собирали негласным путем всевозможные данные о разрабатываемых лицах: ведут ли они широкий образ жизни, подтверждающий наличие больших денег. После этого мы приглашали «Б» и «В» к нам. Когда же вопрос о сдаче ими валюты разрешался, мы заводили с ними разговор о других

¹⁴ Курс был сильно занижен.

¹⁵ Население воспринимало атаку на держателей ценностей как аналог «раскулачивания» для горожан. Характерно, что и чекисты оценивали данную политику аналогичным образом.

¹⁶ То есть во внесудебном порядке, заочно, без участия обвиняемого.

валютчиках, в том числе и об агенте «А». Конечно, для валютчиков «Б» и «В» оставалось неизвестным, кто именно из них разрабатывал их.

Очень часто агенты-валютчики, направляя к нам материал на того или иного нэпмана, не подозревали, что одновременно с этим они выявляют и себя как укрывателей валюты.

Если обнаруживалось, что валютчики, ставшие нашими агентами, не полностью сдали имеющуюся у них валюту, мы в большинстве случаев их не арестовывали, а просто при очередной явке ставили перед ними ультиматум с требованием немедленной сдачи валюты. Обычно этим дело ограничивалось, и они дополнительно сдавали имеющиеся у них запасы валюты.

Как правило, все агенты, оказавшиеся двурушниками (т.е. скрывающие от нас крупных валютчиков и утаивающие свои личные крупные запасы валюты) всегда нарывались на кого-либо из других агентов и бывали рано или поздно разоблачены.

Вскоре наша агентурная работа достигла очень высокого уровня. Донесения того или иного агента перепроверялись и перекрывались данными других агентов. В процессе разработки все новых и новых методов по изъятию валюты у частников тогдашнее руководство ОГПУ возложило на валютную группу ЭКУ задачу скупки золота и валюты на «черных биржах» по существующему на этих биржах курсу, а в отдельных случаях и по более высоким ценам. В этих случаях специально подобранные для этой цели агенты получали от нас соответствующие суммы советских денег и направлялись в определенные пункты Москвы, а затем и в ряд других городов.

Для контроля за этими агентами мы имели параллельную агентуру, подтверждавшую нам существующие в тот момент на том или ином пункте черной биржи цены на золото и валюту, что до некоторой степени гарантировало невозможность злоупотребления со стороны наших агентов. Но, конечно, поскольку вся агентура состояла из валютчиков-торговцев и коммерсантов, безусловно, в отдельных случаях злоупотребления все же могли быть.

Обнаруженных обманщиков мы привлекали к ответственности, сознательно их расшифровывали перед другими агентами¹⁷ (для острастки остальным) и таким образом добивались неплохого порядка. Все валютчики тех лет знали, что многие среди них являются нашими осведомителями, но точно никто из них не знал ничего. Поэтому они почти все друг друга подозревали. Для нас же это было выгодно. Зачастую скупщик, покупая валюту или золото у того или другого спекулянта, подозревал, что именно он и является нашим осведомителем. И вот во время явок тот или иной агент говорил: «Я купил валюту у такого-то, но он, по-моему, работает с вами, как и я». Мы в таких случаях не отрицали этого факта, но и не подтверждали его, предоставляя разрешать этот вопрос самому агенту.

Одновременно с ЭКУ ОГПУ валютными операциями занимались работники контрабандного отделения Главного управления пограничной охраны [ОГПУ]. Во главе этого отделения стоял Горин¹⁸. Заместителем начальника ГУПО по борьбе с контрабандой был тогда Роттенбург. В отделении работали тт. Гиляров, Каневский и другие.

Очень часто наши агенты наталкивались на агентов ГУПО. Бывали такие казусы, когда наш осведомитель сообщал нам, что через час на Столешниковом переулке он встретится с крупным валютчиком. Или наоборот, работники ГУПО получали подобное же сообщение. И вот для задержки этих «новых» валютчиков выходили работники ЭКУ и не знавшие об

¹⁷ Правила агентурной работы категорически запрещали расконспирацию завербованного источника.

¹⁸ Правильно **Горев (Гурвиц) Наум Юрьевич** (1903–23.02.1939, Москва). Капитан ГБ (1935 г.). Чл. компартии с 1925. Уроженец Бессарабии, еврей, образование среднее. В органах ГБ с 1920: сексот Одесской губернской ЧК, оперативник в Одесском губотделе ГПУ. В 1925–1927 – слушатель Высшей пограншколы ОГПУ, затем уполномоченный 1-го отделения частей погранохраны ГУПО и войск ОГПУ СССР. С 1928 – пом. начальника 1-го отдела, нач. 2-го отдела ГУПО и войск ОГПУ, нач. 5-го отделения Оперода и пом. нач. Оперода ГУПО и войск ОГПУ СССР. С июля 1932 – зам. нач. Оперода ГУПО и войск ОГПУ. В августе 1933 – июле 1934 – нач. Командного отдела ГУПО и войск ОГПУ СССР, затем нач. 4-го отдела ГУПВО НКВД СССР. С марта 1935 – нач. особого отделения ГУГБ НКВД аппарата внутренней охраны Московского Кремля. В марте 1936 – апреле 1937 – нач. 5-го отделения ОК НКВД СССР, в сентябре 1937 уволен в запас, пенсионер НКВД. Арестован 08.08.1938 и 22.02.1939 ВК ВС СССР осужден к ВМН. Расстрелян. Реабилитирован ВК ВС СССР 04.02.1956. Награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (V).

этом работники ГУПО. И тут мы наталкивались друг на друга. Продавец оказывался нашим агентом, а покупатель – агентом ГУПО, или наоборот.

Во избежание такого параллелизма был установлен следующий порядок, согласно которому руководство всеми валютными операциями возлагалось на валютную группу ЭКУ ОГПУ. ГУПО также имело право бороться с валютчиками, но обязано было предварительно получать соответствующие справки о том или ином разрабатываемом объекте через отдел Центральной регистратуры ГПУ. Работники ЭКУ также должны были наводить аналогичные справки через ОЦР. После этого параллелизм был почти ликвидирован. Хотя все же в отдельных случаях в пылу «конкуренции» наши работники сталкивались с ГУПОВцами.

Как только агентурная работа была более или менее налажена, мы начали одного за другим вылавливать крупных спекулянтов-валютчиков. После нескольких удачных операций руководство ЭКУ заинтересовалось работой нашей группы и стало уделять ей все больше и больше внимания.

Начальником 8-го отделения ЭКУ был тогда Марк Исаевич Гай, а его помощником – латыш Кланг¹⁹, а позднее – Эмиль Зибрак²⁰ и Николай Счастливец.

С Марком Исаевичем Гаем я был знаком еще с 1923 года, когда он был начальником политотдела дивизии Осназа, а я – секретарем-организатором комсомола ОГПУ. Теперь, когда я был назначен в валютную группу, Гай оказался моим непосредственным начальником.

Так как работа по борьбе с валютчиками была совершенно новой, Гай оказался в этой части весьма слабым руководителем, и когда я передавал ему длинные сводки о подготавливаемых нами операциях, редко накладывал какие-либо деловые резолюции, а большей частью уклонялся от них и писал: «Зайдите переговорить!»

После нескольких случаев устных переговоров и уклонения от конкретных заданий со стороны Гая я не выдержал и сказал ему:

– Что же это получается, Марк Исаевич? Вы пишете «переговорить», и в деле не остается никаких следов о ваших указаниях. А если что-либо случится, как можно будет доказать, каково было ваше мнение?

Но мои попытки протестовать ни к чему не привели. В подавляющем большинстве случаев Гай продолжал уклоняться от конкретных указаний, и нам волей-неволей приходилось обращаться к зам. нач. ЭКУ Миронову, который, по-видимому, хорошо знал слабые знания в этой области Гая и постоянно сам вызывал нас к себе с докладами и подробно расспрашивал обо всех валютных операциях и давал установки на будущее.

Несмотря на отсутствие помощи со стороны Гая в части валютных операций, все мы хорошо к нему относились, так как он держал себя со всеми по-товарищески просто. Кроме того, он отличался большим гостеприимством. Почти каждую неделю, в субботу или воскресенье, он собирал у себя на квартире всех работников отделения и кормил хорошим ужином. Его жена Раиса радушно принимала гостей. Эти приемы поддерживали товарищескую и деловую обстановку в отделении.

Изредка, после особо крупных и удачных операций, организовывал товарищеские ужины или обеды на квартире у кого-либо из сотрудников Лев Григорьевич Миронов. Обычно на них присутствовал и Георгий Евгеньевич Прокофьев.

Следует отметить, что на этих товарищеских встречах никогда не допускалось никакого пьянства. Несмотря на то, что на столе бывало и вина, и водка, большинство сотрудников обычно ограничивалось одной-двумя рюмками. Среди нас почти не было любителей

¹⁹ **Кланг Анатолий Антонович** (1894–?). Капитан ГБ (1935). Чл. компартии с 1918. Латыш (по др. сведениям, русский). Участник гражданской войны. В ВЧК-НКВД с 1921. До 1938 – нач. 20-го отделения КРО ГУТБ НКВД СССР, с 27.06.1938 уволен в запас.

²⁰ **Зибрак Эмиль Александрович** (1902–08.10.1937, Москва). Ст. лейтенант ГБ (1936). Чл. компартии с 1928. Из служащих, еврей, образование неполное среднее. С 1926 – опер. ЭКУ ОГПУ, с 1928 – пом. и врид нач. 8-го отделения ЭКУ ОГПУ СССР. В 1931 – сотрудник для особых поручений ЭКУ ОГПУ, нач. СПО ПП ОГПУ по Московской обл. С 1931 – в Комитете резервов при СТО СССР. В 1933–1934 – пом. нач. ЭКУ ОГПУ СССР. В 1935–1937 – нач. Управления особого строительства при СНК СССР и НКВД СССР. Арестован 26.08.1937, расстрелян. Реабилитирован в 1956.

выпить. Исключение составляли Николай Счастливец и Якубовский (бывший работник Минского ГПУ), за которыми мы неусыпно следили, пресекая их попытки выпить лишнее.

За столом оживленно обсуждались удачные операции, а также разбирались допущенные ошибки и их причины. В случаях отдельных неудач или затруднений Миронов всегда поддерживал и подбадривал нас, советуя, как на будущее избежать повторения чего-либо подобного.

Иногда на этих вечерах Миронов, обладавший хорошим голосом, с большим чувством исполнял лирические песни. Он был добрейшим человеком, большим умницей, пользовавшимся всеобщей любовью и уважением. (Впоследствии он был избран секретарем парткома ОГПУ.)

В то время секретарем парторганизации ЭКУ был старший оперуполномоченный 1-го отделения Александр Павлович Рыбкин, потомственный рабочий, участник гражданской войны. Несмотря на большую партийную и общественную нагрузку, Александр Павлович много работал над своим самообразованием, а затем, при первой возможности, ушел из органов учиться. В настоящее время А.П. Рыбкин – известный профессор, ученый, был одним из руководителей Совнархоза Московской области.

По линии прокуратуры в деле борьбы с валютчиками нам помогали: заместитель Прокурора СССР [по делам ОГПУ] Рубен Павлович Катаньян²¹, прокуроры Михаил Острогорский²², Анна Глузман²³, Яковлев и многие другие. Дельные советы и помощь мы также получали от помощника начальника 7-го отделения Михаила Ткачева²⁴.

Надо сказать, что в те годы все работники ЭКУ, а также прокуратуры работали дни и ночи, не считаясь ни со временем, ни с состоянием здоровья, и своим самоотверженным трудом сделали немалый вклад в дело выполнения планов первых пятилеток, значительно пополнив золотой и валютный запас нашей страны.

За давностью я, конечно, не помню многих интересных операций, а главное, совершенно не в состоянии установить их хронологию. Но некоторые запомнились на всю жизнь, о них я и попытаюсь рассказать.

1. Первые шаги

Как-то мы получили агентурные данные, что на бульваре около Центрального рынка систематически появляется какой-то высокий человек с черной бородкой, который скупает золотые монеты царской чеканки и затем исчезает на несколько дней. Потом появляется снова. В те годы Цветной бульвар у Центрального рынка был одним из самых оживленных мест «черной биржи».

Вдвоем с Сергеем Арсатьянцем мы отправились на следующий день на Цветной бульвар, заранее договорившись с человеком, давшим нам сведения, что как только он продаст чернобородому золото, то сделает условный знак, после чего мы задержим чернобородого и установим его личность.

Придя на Цветной бульвар, мы начали прогуливаться среди оживленной толпы. Вскоре появился высокий человек с черной бородкой и тоже начал прохаживаться. Наш агент

²¹ **Катаньян (Катаньян) Рубен Павлович** (1880–06.06.1966, Москва). Чл. компартии с 1903. До революции – адвокат. С 1920 г. – зав. агитпропотделом ЦК РКП (б). С 20 янв. по 10 апр. 1921 – нач. Иностранного отдела ВЧК. С 1923 – пом. прокурора РСФСР, зав. подотделом надзора за органами ОГПУ в НКЮ РСФСР, затем старший пом. прокурора Верховного Суда СССР. В 1933–1938 – ст. пом. прокурора Верхсуда СССР по спецделам (надзор за ОГПУ). Арестован в 1938, осужден. В 1948–1950 был в ссылке, с 1955 – снова в заключении. В 1955 освобожден и реабилитирован.

²² **Глузман Анна Моисеевна**, прокурорский работник, на 1937 – парторг спецотдела Прокуратуры СССР. В 1940-х работала в аппарате Прокуратуры СССР.

²³ **Острогорский Михаил Владимирович** (1897–?). В 1932 – прокурор Московской обл., награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ (XV)». В 1939 – пом. прокурора СССР, осужден. Персональный пенсионер союзного значения с 01.04.1955.

²⁴ **Ткачев Михаил Львович** (1901–20.06.1937, Москва). Ст. лейтенант ГБ (1935). Сотрудник ЭКУ ОГПУ СССР, награжден знаком «Почетный работник ВЧК–ОГПУ». В 1937 работал в КРО ГУГБ НКВД СССР, расстрелян «в особом порядке».

подошел к нему, они о чем-то поговорили, но условного знака так и не последовало. По каким-то причинам на этот раз чернобородый золото не купил и вдруг стал уходить с рынка в сторону. Мы с Сергеем пошли за ним на соответствующем расстоянии, стараясь не потерять его из вида.

Вскоре он довел нас до маленького деревянного одноэтажного домика где-то в конце 3-й Мещанской улицы (окна выходили на улицу, а вход в домик был со двора) и вошел в калитку. Мы остались на улице, прогуливаясь в отдалении, не зная, живет ли он здесь или зашел к знакомым и сколько времени пробудет.

Примерно через час человек с черной бородкой вышел из домика. Дав знак Сергею, чтобы он следовал за ним, я зашел в ту же дверь, откуда вышел чернобородый. Оказалось, что он остановился у какой-то простоватой на вид женщины в качестве постояльца на одну-две ночи. Хозяйка была уже пожилая женщина. Я расспросил ее, кто она такая. Женщина сказала, что муж ее погиб во время гражданской войны, она работает где-то уборщицей и подрабатывает стиркой белья, а при случае сдает койки.

Показав женщине свое удостоверение, я сказал:

– Чернобородый, остановившийся у вас, – шпион. Вы должны помочь нам поймать его.

Затем я объяснил ей, что со мною группа работников, часть которых находится во дворе, а другая часть – на улице. И попросил ее, как только постоялец вернется, подать нам потихонечку условный знак: «Откройте окно и помашите нам чем-нибудь. Ну хотя бы вытряхните скатерть или что-нибудь в этом роде».

Хозяйка, поахав о коварности людей, пообещала мне обязательно подать знак, как только войдет постоялец. Я вышел на улицу. Часа через полтора чернобородый, сопровождаемый на значительном расстоянии Сергеем, вернулся на квартиру. Как только он вошел в дом, а Сергей поравнялся с воротами двора, вдруг открылось окно на улицу и взволнованный громкий голос простодушной хозяйки провозгласил на всю улицу:

– Сыщики! Сыщики, где вы? Шпиен пришел!

Немногочисленные прохожие, находящиеся вблизи, пораженные этим криком, остановились как вкопанные. Я, мысленно проклиная себя за то, что не разобрался, что из себя представляет хозяйка, и не проинструктировал ее как следует, выхватил револьвер и вскочил в открытое хозяйкой окно, благо оно было невысоко от земли, чтобы не дать чернобородому скрыться. Сергей в это время был уже у двери во дворе, преграждая валютчику выход.

Обыскав задержанного, мы обнаружили при нем сравнительно небольшую сумму денег и около 200 рублей золотом. Но тем не менее доставили его в отделение. На допросе он рассказал, что работает в Кинешме часовщиком и постоянно приезжает в Москву за запасными частями для часов, а попутно покупает золото по поручению целой группы крупных торговцев и прочих богатых людей, в основном кинешемских, и, кроме того, для одного купца из Вичуги и для владельца валя[ль]ной фабрики Юрьевецкого района – Фролова. Сам же является только маклером, получающим соответствующее вознаграждение за покупку.

Доложив о результатах допроса чернобородого начальству, я получил задание выехать с ним в Иваново-Вознесенск, чтобы затем с помощью местных работников ГПУ проверить полученные данные и произвести обыски у перечисленных маклером лиц.

Прибыв в Иваново-Вознесенск, я направился к начальнику ОГПУ т. Молчанову²⁵, который выделил мне в помощники оперуполномоченного ЭКО т. Судомоева. И вот мы с Судомоевым и чернобородым маклером отправились в Кинешму и прибыли к райуполномоченному ГПУ Василию Васильевичу Чуркину. Поскольку необходимо было произвести обыски более чем в двадцати домах, пришлось мобилизовать весь состав работников Кинешемского ГПУ.

Операции производились около недели. У всех лиц, перечисленных маклером, золото было найдено. Самое большое количество золотых (около 50 тысяч рублей) нашли у популярного в Кинешме врача-армянина (фамилии не помню). Самая меньшая сумма находок была три тысячи золотых рублей. Золото находили закопанным в садах, в огородах, в подполье

²⁵ Имеется в виду полномочный представитель ОГПУ по Иваново-Вознесенской области Г.А. Молчанов.

домов. В некоторых случаях купцы и торговцы после уговоров указывали места хранения сами, и им стоимость золота была оплачена по курсу совзнаками, но большинство отпирались до последнего момента, когда уже золото находили сами работники ГПУ.

Один из купцов, несмотря на длительные уговоры, упорно не хотел указать место, где спрятано золото. Тогда мы стали уговаривать его красавицу жену не вредить себе, а рассказать все откровенно. Она сказала нам, что золото спрятано под уборной во дворе. Пришлось выкачать все нечистоты, вскрыть цементный пол и, наконец, под этим полом были найдены кубышки с золотыми монетами.

После окончания кинешемских операций я выезжал в Вичугу, где вместе с местным уполномоченным районного ГПУ изъяс крупную сумму золота у богатого купца. Теперь из названных чернобородым маклером адресов оставался только один – владельца валя[ль]ной фабрики в Юрьевецком районе – Фролова.

2. Погибшие герои

И вот мы с Судомоевым и маклером сели на пароход и отправились в Юрьевец, а оттуда на подводе, полученной в Юрьевецком сельсовете, поехали в деревню, где проживал фабрикант Фролов. Наш возчик оказался довольно симпатичным и очень разговорчивым стариком с широкой окладистой бородой. Всю дорогу он развлекал нас рассказами о местных жителях. Но, как оказалось впоследствии, мы напрасно были так доверчивы.

Приехали мы в деревню уже в сумерки, и наш возчик сразу подкатил телегу к дому Фролова. Как потом оказалось, он был родом из этой деревни и всех здесь прекрасно знал. Вместе с возчиком мы вошли в дом.

Фролов оказался одним из самых упорных кулаков. Несмотря на все доводы и утверждения маклера, что он систематически скупал и передавал Фролову золото, несмотря на уговоры, что в случае добровольной сдачи золота он получит за него возмещение по курсу, а в противном случае может подвергнуться аресту, Фролов ни за что не хотел признаться, что у него есть золото. Почти полночи провозились мы, уговаривая Фролова, и только после полуночи он показал нам, наконец, свой тайник в бане (находящейся на огороде), под полом.

Всего оказалось закопанными там около 30 тысяч рублей десятками и пятерками царской чеканки. Мы уселись в избе за стол и стали составлять акт об изъятии золота. В это время возчик, осведомившись у нас, скоро ли мы поедем, и получив утвердительный ответ, сказал, что пойдет напоить лошадь. Закончив составление акта и подсчет денег, мы вместе с задержанным нами Фроловым вышли на крыльцо дома.

Уже начинало светать, наша подвода стояла рядом с крыльцом. Но, сделав несколько шагов по направлению к подводе, мы вдруг увидели, что на улице, на некотором отдалении, полукругом, возле дома Фролова виднеются силуэты большого количества людей, вооруженных кто вилами, кто лопатами, кто кольями.

Мгновенно оценив обстановку, я понял, что наш возчик разнес по деревне весть о том, что мы отбираем золото у Фролова, и односельчане пришли на защиту, возможно, толком и не зная, в чем дело. Но раздумывать было некогда, и я во весь голос выкрикнул:

– Товарищ Судомоев, дайте команду взводу открыть пулеметный огонь! – и выстрелил в воздух из револьвера. Судомоев, поняв меня, также выстрелил два раза в воздух.

Большая часть темных фигур, услышав крик и выстрелы, подалась назад, мы же, быстро подтолкнув на подводу Фролова, вскочили с Судомоевым сзади, бросив на дно телеги свой драгоценный груз.

– Гони вовсю, а не то пристрелю! – крикнул я возчику и сделал еще два или три выстрела в воздух. Судомоев тоже выстрелил еще несколько раз.

Возчик схватил вожжи, а лошади, испуганные выстрелами и хорошо отдохнувшие за ночь, крупной рысью рванули вперед. Опомнившиеся «защитники» Фролова бросились было за нами с воинственными криками. Вслед нам раздалось два или три выстрела, засвистело несколько камней, но через несколько секунд мы были уже далеко.

Утром мы благополучно прибыли в Юрьевец и вместе с возчиком, которого мы решили задержать за предательство, и Фроловым сели на пароход, отправляющийся в Кинешму. В Кинешемском райотделении ГПУ наше появление произвело непонятную нам сенсацию и было встречено с огромной радостью. Мы с недоумением взирали на сотрудников, пока нам не разъяснили, в чем дело. Оказывается, что когда на рассвете около дома Фролова произошла перестрелка, один из селькоров по телефону сообщил в Кинешму, что возле дома Фролова убиты два уполномоченных ГПУ, приехавших к нему конфисковать золото. Эта «печальная весть» молниеносно дошла до начальника ГПУ Иваново-Вознесенской губернии Молчанова, который немедленно снарядил отряд для розыска наших трупов и убийц. И вот в Кинешемском райотделении ГПУ мы встретились с группой, отправленной на розыски.

Все вместе мы возвратились в Иваново, где начальник ГПУ Молчанов на радостях устроил нам шикарный обед. Много было тогда сказано теплых слов по моему и Судомоева адресу. Нас хвалили за находчивость, правда, и поругивали за неосторожность, а главное, все были рады, что операция закончилась благополучно.

– Ну и молодец же ты, – восторгался Молчанов, – не растерялся и заорал про взвод и пулеметы, а у самого было всего шесть патронов. Счастье еще, что Судомоев взял немножко побольше.

Досталось тогда начальнику райотделения ГПУ Кинешмы Чуркину, которого ругали за то, что он отправил нас двоих в глухую деревню, в то время когда уже повсеместно имели место случаи убийств селькоров и других представителей советской власти на селе.

Мы с Судомоевым тоже допустили неосторожность, не зная, что из себя представляет возчик, взяв его с собой в дом Фролова и сделав невольным свидетелем изъятия золота. Возчика мы оставили в Кинешме для привлечения к ответственности за сбор крестьян на помощь Фролову. Из группы купцов из Кинешмы те, которые упорно отказывались сдать золото добровольно, были осуждены на три года ИТЛ. На такой же срок был осужден фабрикант валяльной фабрики Фролов.

Возвратившись из Кинешмы в Москву, я встретил где-то на лестнице начальника одного из отделений Особого отдела Центра, политкаторжанина Ривина²⁶.

– Ну, – мрачно буркнул он, – поздравляю! Смотри, не зарывайся. – И тут же пошел дальше.

– С чем вы меня поздравляете? – удивился я, еще не зная, что решением Коллегии ОГПУ за кинешемскую операцию меня наградили боевым оружием – браунингом с надписью на серебряной дощечке: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией»²⁷.

С Лазарем Борисовичем Ривиним по работе мне никогда не приходилось сталкиваться, но я часто видел его на партсобраниях, в клубе и в других общественных местах. От товарищей я ранее слышал, что в дореволюционное время Ривин убил видного провокатора царской охраны, за что был приговорен к повешению, позднее замененному пожизненной каторгой, и сидел в Орловском центральном, закованный в кандалы, кажется, с 1907 года до Февральской революции. В этот период в Орловском центральном некоторое время находился в заключении Ф.Э. Дзержинский и там познакомился с Ривиним.

Ривин был активным участником гражданской войны и работал по линии Красной Армии, пока не встретился с Дзержинским, который предложил ему перейти на работу в органы. Ривин сначала категорически отказывался, питая с царских времен отвращение ко всякого рода «полиции и жандармерии», но Феликс Эдмундович убедил его, что чекист

²⁶ **Ривин Лазарь (Лейзер) Борисович** (1888–15.07.1972, Москва). Капитан ГБ (1936). Чл. компартии с 1918. Уроженец Бобруйска, из семьи трубочиста, еврей, рабочий-металлист. В 1907 в Вильно за убийство провокатора осужден к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. С 1918 работал в органах ВЧК-ОГПУ, сотрудник системы особых отделов. Награжден орденом Красного Знамени (1928). В 1937 – зам. нач. отделения 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР, уволен из НКВД с 01.08.1937 по болезни. На 1943 – зам. нач. главка наркомата танковой промышленности СССР. Персональный пенсионер с 01.07.1957. Похоронен на Ново-девичьем кладбище.

²⁷ Типичная для того времени формулировка наградений.

ничего общего с полицейским не должен иметь, и что это почетная и благородная работа. Ривин занимал ряд руководящих должностей в органах ВЧК, по представлению Ф.Э. Дзержинского был награжден орденом Красного Знамени, знаком почетного чекиста пятилетия, неоднократно награждался Коллегией ОГПУ боевым оружием «за беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Ривин всегда держался независимо, ненавидел подхалимов, говорил каждому, даже самому большому начальнику в глаза все, что о нем думает. Говорили, что его резких высказываний в 30-е годы побаивался «даже сам Ягода». (Последние годы /1966–68 гг./ мы с Ривиным несколько раз встречались. Он мог бы очень много рассказать интересного из практики работы органов, но, к сожалению, нигде не выступает, считая себя плохим оратором, и, к еще большему сожалению, ничего не пишет. А у него в личном архиве есть много интересных документов и фотографий.)

Когда мне показали приказ Коллегии ОГПУ, согласно которому я был награжден за кинешемскую операцию боевым оружием, а Судомоеву была только объявлена благодарность, я немедленно помчался к начальнику отделения Гаю и затем вместе с ним – к начальнику ЭКУ Прокофьеву, и стал просить о награждении боевым оружием и Судомоева:

– Мы вместе работали, вместе рисковали и должны быть вместе и награждены, – доказывал я.

Прокофьев сначала возражал, говоря, что все же руководящую роль играл я, но, поскольку я с большим упорством продолжал настаивать на своем, он, наконец, согласился и приказ был изменен. Мы оба с Судомоевым были награждены боевым оружием с надписью: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Это была моя первая боевая награда в органах.

После Кинешемского дела руководство ЭКУ нашло, что я оперативно «созрел», и одновременно с награждением оружием я был переведен из секретного штата в уполномоченные. А затем вскоре стал оперуполномоченным, на обязанности которого было возложено руководство всеми валютными операциями не только в Москве, но и по всему Советскому Союзу.

Не помню точно, когда именно, но как-то у меня произошел неприятный инцидент с Гаем. Когда я уже ознакомился с агентурной сетью нашего отделения, Гай поручил мне пойти в Харитоньевский переулок к одной женщине, которой надо было передать о назначенном ей Гаем деловом свидании. Ее фамилия показалась мне знакомой: как будто она упоминалась в каких-то донесениях, связанных со спекуляцией валютой.

Явившись по указанному адресу, я увидел довольно интересную молодую женщину с холеными руками, унизанными кольцами. Я передал поручение Гая, а женщина сделала умильно сладкое выражение лица, показывая готовность явиться куда и когда угодно. Мне все это показалось подозрительным: нет ли тут личного интереса со стороны Гая, но ничего определенного, конечно, я знать не мог.

Вскоре после этого, когда я сидел в назначенные часы на одной из конспиративных квартир, вдруг дверь отворилась и на пороге показался Гай с красавицей из Харитоньевского переулка. Он, в свою очередь, выразил удивление.

– Что ты здесь делаешь? – оставив спутницу в передней и подойдя ко мне, спросил Гай.

– Дежурю в назначенные часы.

– Знаешь что, Миша. Ты, пожалуйста, посиди в передней и подожди своих людей, а у меня сейчас очень важное дело... – покосился он на стоящую в отдалении спутницу.

– Вы мой начальник, Марк Исаевич, и я обязан вам подчиниться и, конечно, уйду. Но вы все-таки бывший начальник политотдела, а я бывший секретарь комсомольской организации, и мне кажется, что устраивать здесь свои бардачные дела неэтично. Пошли бы куда-нибудь в гостиницу.

Гай опешил от моей дерзости, но ничего не возразил и был явно смущен, а я повернулся и поспешил выйти из квартиры. На другой день Гай утром вызвал меня к себе в кабинет.

- Послушай, Миша, тебе не нужно пособие? Как твои материальные дела?
- Спасибо. Мне ничего не нужно.
- У тебя очень плохой характер.
- Какой есть, – ответил я, пожав плечами.

(Не помню точно, когда и по какому поводу Гай писал на меня характеристику: «Шрейдер растущий оперативный работник, инициативен и проч., и проч., но... с очень плохим характером».)

3. Врачи-аферисты

На Мясницкой улице (ныне ул. Кирова) находилась в те годы частная лечебница, владельцем которой являлся доктор Г-лин. Проживал он в кооперативном доме, кажется, на Харитоньевском переулке, кроме того, имел две прекрасные зимние дачи на станции Ильинское по Казанской ж.д.: одна – на имя отца, вторая – на него. У доктора Г-лина была дочь лет 12 (жены не было) и старик-отец.

По поступившим к нам сведениям, лечебница доктора Г-лина являлась филиалом черной биржи, где производились крупнейшие валютные операции. Сам владелец лечебницы и работающие у него врачи, а также старик отец систематически скупали на черном рынке большое количество иностранной валюты. После тщательной проверки поступивших к нам сведений доктор Г-лин был арестован, а у него на квартире произведен обыск, в котором принимали участие Римский, Володя Пузаков, Валентин Жуков и я.

При обыске ничего обнаружено не было, и на допросах, которые вели Римский и я, Г-лин в течение нескольких дней упорно отрицал наличие у него валюты, а также факты скупки таковой. Тогда я решил пойти на хитрость и предложил Г-лину следующее:

– Вы, доктор, заявляете, что ни вы, ни ваш отец валюты не скупали. Если это действительно так, напишите отцу записку и попросите его указать место и выдать нам имеющуюся у вас валюту. Если таковой нет, то нечего будет и выдавать?

Немного подумав, Г-лин написал записку приблизительно следующего содержания: «Папа, если у тебя есть валюта, то отдай ее представителям ГПУ, тогда меня освободят». Передавая мне эту записку, Г-лин еще раз заверил меня и Римского, что у него, а также и у его отца нет ни копейки в иностранной валюте. И все бывшие у него советские деньги они истратили на оборудование лечебницы и покупку квартиры.

С этой запиской Римский и я отправились на квартиру к отцу Г-лина и передали старику записку. Сначала он, как и сын, начал отрицать наличие у них валюты. Тогда мы начали доказывать ему бессмысленность запирательства. Ведь и его, и сына много раз видели на черной бирже, скупающими валюту, а также убеждали, что мы, мол, все равно валюту найдем, но тогда его сын будет осужден, а имущество конфисковано, а при добровольной сдаче валюты она будет по курсу обмениваема на советские деньги. После долгих уговоров старик, наконец, сказал, что у него на даче в Ильинском закопано около пяти тысяч долларов и что он укажет нам место.

В тот же вечер Римский, Николай Счастливец, Зибрак, я и еще двое или трое сотрудников поехали вместе со стариком на поезде в Ильинское. Был сильный мороз. Для того чтобы раскопать мерзлую землю в указанном стариком месте, надо было ее разогреть. Нам пришлось развести костер. С огромным трудом удалось добраться до «клада».

Когда из земли показалась крышка ящика, старик побледнел как смерть и ему стало дурно. Нам пришлось прервать работу, найти врача и приводить его в чувство. Затем мы выкопали ящик и извлекли из него пачку валюты, завернутую в клеенку. Каково же было наше удивление, когда вместо пяти тысяч там оказалось около ста тысяч долларов. Тогда нам стала понятна причина обморока старика. Он понял, что перепутал место и указал нам не тот «клад».

Теперь уже с оправданной настойчивостью мы стали требовать, чтобы старик указал нам место, где закопаны пять тысяч долларов, о которых он говорил. Но он продолжал клясться, что не помнит, где второе место. Тогда мы договорились с ним, что привезем сына

в Ильинское и он должен уговорить его указать нам остальные места, где спрятана валюта. Кто-то из нашей группы поехал в Москву за Г-линым, а я с другими остался на даче ждать его.

Часа через два на дачу на машине привезли доктора Г-лина. Сначала мы не сказали ему, что отец тоже находится здесь, а зашли с ним в другую комнату и стали вести разговор насчет валюты, а так как он продолжал отрицать наличие у него таковой, мы показали ему выкопанный нами ящик с валютой и предложили ему, чтобы он показал нам, где еще закопана валюта.

Поскольку его первоначальные показания насчет отсутствия валюты оказались ложными и валюта нашлась, мы предупредили его, что не остановимся ни перед чем, в конце концов перекопаем весь участок и разберем дачу, но валюту найдем, а в случае если он сейчас добровольно укажет нам, где спрятана валюта, то получит минимальное наказание.

Тут Г-лин пообещал рассказать обо всех тайниках, повел нас на свою вторую дачу, где, по его словам, должно было быть закопано 12 тысяч долларов. Но когда после долгих трудов мы выкопали и этот клад, в нем оказались не доллары, а английские фунты и шведские кроны, и не 12, а свыше 40 тысяч. Оказалось, что и сын обладал не лучшей памятью, чем старик отец. Тогда мы свели отца и сына вместе и стали требовать, чтобы они показали нам все остальные места, в том числе указанные ими самими с пятью и 12-ю тысячами долларов.

После долгих и упорных уговоров Г-лин последовательно указывал нам место за местом со спрятанной валютой. В результате на обеих дачах оказалось еще четыре или пять «кладов». Пришлось целую ночь жечь костры, разогревать землю и копать. От бессонной ночи и от многих часов, проведенных без еды и питья, а также от напряженных уговоров и убеждений все мы были почти без сил. Один Николай Счастливцев, в прошлом партизан, сибиряк, не терял бодрости и всячески подбадривал нас. Глядя на него, и мы заражались его энергией и с усердием копали и копали мерзлую землю. Отдыхать было некогда, да и не совсем приятно, так как лютей мороз сейчас же начинал пробираться до костей.

В общей сложности в ту ночь у Г-линых было изъято около полумиллиона разной иностранной валюты. По окончании операции естественно возник вопрос, откуда у Г-линых накопилось такое огромное количество денег? Проведенным следствием было установлено, что владелец клиники Г-лин, а также работавшие у него другие врачи занимались вымогательством у больных, которым ставили неправильные диагнозы опасных венерических болезней и проводили совершенно ненужные процедуры, за которые взимали большие деньги. Как, например, больному, заболевшему гонореей, говорили, что ему нужно два раза в день приходить в клинику для измерения температуры. Неопытные и запуганные врачами больные покорно выполняли эти нелепые требования и за каждый раз измерения температуры платили по три рубля. В то время это была огромная сумма: мясо стоило 50 коп. килограмм.

В результате проведения следствия были арестованы все врачи клиники Г-лина, которые имели довольно большое количество валюты. Но все они, узнав, что у Г-лина изъята крупная сумма валюты, а также и то, что им будет оплачена полная стоимость по курсу советскими деньгами, согласились сдать валюту добровольно, после чего были из-под стражи освобождены.

Сам Г-лин был осужден на три года ИТЛ. Частная лечебница со всем оборудованием, а также обе дачи и кооперативная квартира были конфискованы. Старика отца и дочь обеспечили жилплощадью, и им была выделена значительная сумма из конфискованных облигаций золотого займа для обеспечения прожиточного минимума.

(В лагере Г-лин был назначен санитаром. Вскоре он прислал нам письмо, в котором писал, что только теперь понял, насколько низко пал морально, заменив благородную профессию врача спекуляцией и аферами. Он давал нам слово, что постарается честной работой в лагере искупить свою вину и в будущем стать настоящим врачом, полезным родине.

Мы написали письмо начальнику лагеря с просьбой оказать Г-лину всемерную помощь в осуществлении его благих намерений. Впоследствии Г-лин стал работать в лагере в каче-

стве врача и очень хорошо себя зарекомендовал. По истечении трех лет он остался работать в тех местах по вольному найму.)

4. Золото в гробу

В Москве был арестован крупный скупщик золотых монет царской чеканки. После длительного допроса и упорного запирательства он, наконец, признался, что действительно скупал золото, но не держал ценности у себя, а переправлял их к своей родственнице в одну из деревень Скопинского уезда Рязанской губернии. Мне было поручено выехать со скупщиком к его родственнице, которой он переправлял скупленное золото. Вместе с двумя или тремя установщиками мы выехали в назначенное место.

Родственницей скупщика оказалась бывшая помещица, старая, фанатично богомольная женщина, недавно похоронившая своего мужа. Припертая к «стене» показаниями скупщика, она рассказала, что золото спрятала в стеклянные четверти и положила в гроб с телом покойного мужа. Священник, хоронивший покойника, знал об этом, она заплатила ему крупную сумму денег за молчание.

Связавшись с местными властями и партийно-комсомольской организацией, мы на следующий день решили произвести вскрытие могилы в присутствии всех жителей деревни. Также был вызван на кладбище и священник-взяточник, которому причина вызова не была известна.

Когда почти все жители деревни и весь партийно-комсомольский актив собрались на кладбище и приступили к вскрытию могилы, среди населения молниеносно распространился слух, что раскапывается могила помещика Н., которого якобы убила жена. Многие богомольные старушки и женщины начали креститься и потихоньку причитать.

Каково же было удивление всех окружающих, когда из выкопанного из земли и раскрытого гроба была извлечена первая стеклянная четверть, наполненная золотыми монетами, а затем вторая, третья и четвертая. Мы страшно жалели, что у нас не было киноаппарата запечатлеть всю эту сцену.

Когда все четверти с золотом были извлечены из могилы, тут же на кладбище был организован летучий митинг, на котором выступили представители партийно-комсомольского актива, а также и я, разъясняя населению вредность подрывной деятельности валютчиков и спекулянтов, укрывающих золото и драгоценности, необходимые для индустриализации страны.

Позднее мне передавали, что после этого митинга многие верующие из местного населения отказывались от услуг священника, которого мы разоблачили как пособника валютчиков.

5. Тайны женского туалета

Однажды к нам поступили сведения, что в Москву систематически приезжает из Винницы крупная спекулянтка, которая скупает валюту и уезжает обратно. Один из агентов сообщил нам об ожидающемся очередном приезде спекулянтки, и мы условились о встрече на черной бирже, где он должен был подать нам условный знак, как только она купит у него валюту.

Кому-то из наших работников было поручено проследить за спекулянткой и арестовать ее на черной бирже. Все произошло, как было условлено, и как только был подан условный знак, наши работники арестовали спекулянтку и доставили к нам в отделение. Она оказалась красивой и молодой женщиной. Обыск спекулянтки был поручен производимым у нас женщинам: жене Николая Счастливецова – Трошиной, и Рималис²⁸ – маленькой некрасивой женщине, имевшей высшее образование и ценившейся у нас как большой умницы. Обыск спекулянтку, сотрудницы ничего не нашли, о чем пришли и доложили мне.

– Не может быть. Ведь нам был подан условный сигнал, что она уже купила валюту. Плохо искали, – сказал я.

²⁸ Рималис Ия Савельевна, лейтенант ГБ (11.12.1935), занималась следственной работой. Уволена из НКВД с 08.04.1936 по болезни.

Все же для проверки я вызвал сотрудников, арестовывавших спекулянтку, которые еще раз подтвердили, что с момента ареста и во время следования в ОГПУ она никуда не могла выбросить валюту, так как с нее не спускали глаз.

Тогда я опять стал допытываться у Трошиной и Рималис, со всею ли тщательностью они произвели обыск.

– Все осмотрено, только... – замялась Трошина.

– Что только?

– Да знаете, неудобно даже говорить... Видите ли, она не совсем здорова... И у нее надеты бинты с ватой, – покраснев, выдавила наконец из себя Трошина.

– Немедленно снимите и осмотрите повязку.

– Но она... грязная... вся выпачкана...

– Ничего, помоете потом руки одеколоном, а осмотреть надо, и немедленно.

Трошина и Рималис вторично отправились обыскивать винницкую спекулянтку и в ватной повязке обнаружили три тысячные бумажки и пять – по пятьсот долларов, а всего 5.500 долларов.

Потом, когда об этом деле стало известно руководству ОГПУ, то надо мной подтрунивали. А заместитель прокурора СССР Рубен Павлович Катаньян, любивший крепкую и острую шутку, встречая меня после этого случая, все расспрашивал:

– Ну, Миша, так расскажите нам, как это вы доставали валюту у этой молодой и красивой винницкой спекулянтки. Расскажите подробно, где она прятала доллары?

И как я ни доказывал, что обыск производили наши сотрудницы Трошина и Рималис, все долго еще вспоминали этот случай и подсмеивались надо мною.

По окончанию следствия, когда Винницким ОГПУ на квартире этой спекулянтки была найдена крупная сумма валюты и золота, на Коллегии [ОГПУ] решался вопрос о наказании. Докладывая на Коллегии об этом деле, я предложил три года ИТЛ²⁹. Но Рубен Павлович Катаньян, который обычно умерял пыл некоторых работников ЭКУ, любящих завышать сроки, а иногда вообще требовал прекращения дела, на тот раз сказал:

– Нет, такой заядлой спекулянтке надо дать пять лет минимум!

(Насколько помню, в допросе этой спекулянтки принимал участие оперуполномоченный нашего отделения Николай Гарнич³⁰, старый большевик, в период гражданской войны командовавший частями Красной армии. В тот период Гарнич написал книгу о гражданской войне под названием «Год осьмнадцатый», которую я получил от автора с дарственной надписью.)

6. «Попросю вас выйти вон».

В 1928 или 1929 г. в газете «Правда» появился нашумевший в то время фельетон Михаила Кольцова «Попросю вас выйти вон», в котором рассказывалось, как агенты Московского уголовного розыска во главе с голубоглазым начальником задержали на бегах скупщика валюты, оказавшегося торговым представителем латвийского посольства Блюменталем, систематически занимавшимся скупкой валюты, золота, драгоценностей, а затем переправлявшим все скупленное за границу под видом дипломатической почты. Заканчивался фельетон требованием, чтобы подобные дипломаты убирались вон из Советского Союза.

В истории, послужившей поводом для вышеупомянутого фельетона, принимали участие совсем не агенты МУРа, как было указано для зашифровки, а работники валютной группы 8-го отделения ЭКУ.

На «черной бирже» около Госцирка был задержан старик-еврей родом из Риги, покупающий американские доллары и расплачивающийся за них золотыми монетами царской чеканки. Он оказался сапожником и проживал у Никитских ворот в доме, где была аптека. (Теперь этот дом снесен.)

²⁹ Коллегия ОГПУ ориентировалась на мнение следователя о социальной опасности обвиняемого.

³⁰ **Гарнич Николай Федорович** (1901–1961), ген.-майор (1943). В 1923–1933 работал в ОГПУ. Его документальный роман «Осьмнадцатый» вышел в 1930 г.

На допросе сапожник, не запираясь, сразу рассказал, что покупает валюту для некоего Блюменталю, который дает ему для сбыта золотые монеты и большие суммы советских денег и просит приобретать для него американские доллары. (В те годы у представителей старого русского купечества на золотые монеты царской чеканки был большой спрос, и они в СССР котировались выше, чем за границей.)

Сапожник сообщил, что Блюменталь бывает у него два раза в месяц уже в течение года. Свидания происходят на квартире сапожника. Мы сказали сапожнику, что он должен помочь нам изобличить и поймать Блюменталю, который не только скупщик валюты, но и шпион (это соответствовало действительности, так как в то время КРО ОГПУ разрабатывало материалы о шпионской деятельности³¹ Блюменталю и посла Латвии Озолса³²), и договорились с сапожником, что он пока будет продолжать встречаться с Блюменталем, как и прежде, у себя дома, чтобы не вызвать подозрений, а при первой же возможности назначит ему встречу где-либо в публичном месте, мотивируя это тем, что якобы соседи начинают коситься на систематические визиты к нему домой шикарно одетого иностранца.

Захватить Блюменталю именно в публичном месте нам было необходимо по двум соображениям: во-первых, этого требовала задуманная нами операция захвата Блюменталю как якобы опознанного по фотографии бандита-уголовника, а во-вторых, в этом случае оставался нерасшифрованным старик-сапожник.

Через несколько дней сапожник позвонил нам и сообщил, что договорился встретиться с Блюменталем в воскресенье на ипподроме. Мы проинструктировали сапожника, чтобы он, встретившись с Блюменталем, спросил у него, принес ли тот с собой золото, а потом сказал ему, что долларов он с собой не захватил, так как побоялся. Убедившись в том, что Блюменталь принес с собою золото для расплаты, сапожник должен был подать нам условный знак – поднести платок к губам.

Оперативная группа, которая должна была схватить Блюменталю на ипподроме, состояла из Семена Римского, Николаю Счастливецю, меня и нескольких разведчиков-установщиков. Все мы были в штатских костюмах. У нас было две пары наручников, которые обычно надевают на уголовников, оказывающих сопротивление. Наручники мы решили применить, дабы создать впечатление у окружающей публики, что мы арестовываем матерого бандита-убийцу. Николай Счастливец захватил с собою пару каких-то фотографий, по которым мы должны были якобы опознать убийцу «Иванова».

Общее руководство по предстоящей операции осуществлял помощник начальника 8-го отделения ЭКУ Эмиль Зибрак. Он заранее договорился с соответствующими органами и к моменту операции занял место «дежурного» по соседнему с ипподромом отделением милиции, куда мы должны были доставить захваченного Блюменталю. Одновременно Зибрак вызвал в это же отделение милиции представителя Наркоминдела по латвийскому отделу.

К назначенному времени наша группа прибыла на ипподром. В условленном месте мы сразу же увидели сапожника и на соответствующем расстоянии [по]шли за ним. Наше наблюдение никем не могло быть замечено, так как в тот день разыгрывались на скачках и на бегах какие-то крупные призы и на ипподроме была масса народу. Все трибуны и проход около барьера были заполнены нарядной публикой, нэпманами, раздетыми дамами и франтоватыми молодыми людьми. Игроки, ставящие ставки, все время сновали от барьера к тотализатору и обратно.

Для видимости и мы поодиночке подходили к кассам якобы для игры, не теряя из виду сапожника. Через некоторое время к сапожнику подошел шикарно одетый блондин выше

³¹ Несмотря на запрет интересоваться деятельностью соседних подразделений, чекисты зачастую хорошо знали о многих аспектах работы своих коллег из ЭКУ, Секретного, Особого, Контрразведывательного и Транспортного отделов.

³² **Озолс Карлис** (1882–23.06.1941, Москва). Из крестьян, латыш, инженер-механик. С 1920 работал послом в Вашингтоне. С сентября 1923 по май 1929 – посол, чрезвычайный посланник и полномочный министр Латвии в СССР. В 1934 уволен из МИД Латвии, автор мемуаров (1938). Арестован после присоединения Латвии к СССР 25.08.1940 и 23.06.1941 Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к смертной казни. Расстрелян.

среднего роста, уже немолодой, – это и был торгпред Латвии Блюменталь. Он поздоровался с сапожником и одновременно огляделся вокруг.

Так как работники нашей группы находились ближе всех к сапожнику, то взгляд Блюменталья скользнул и по некоторым из нас. Но наша одежда и поведение не вызывали у него никаких подозрений. Мы вели себя так же, как и все окружавшие нас игроки. Особенно страстного игрока изображал Сеня Римский. Он с видом знатока то и дело бросал реплики по поводу той или другой лошади.

Тем временем Блюменталь начал вполголоса о чем-то разговаривать с сапожником. По выразительному жесту неудовольствия мы поняли, что сапожник сказал ему, что побоялся принести доллары. Через минуту сапожник поднес платок к губам, подавая нам тем самым условный знак, означающий, что у Блюменталья есть при себе золото.

В следующее мгновение все мы, выхватив револьверы, подскочили вплотную к Блюменталю и сапожнику, направив на них оружие и вполголоса, но внушительно скомандовали:

– Руки вверх, Иванов!

Николай Счастливец вынул из кармана фотокарточки и, поглядывая то на Блюменталья, то на карточки, сказал довольно громко, с расчетом, чтобы слышали окружающие:

– Да, это он! – И как бы между прочим добавил: – Известный убийца Иванов!

Стоявшая поближе публика, увидев оружие и услышав реплику Счастливецова, шарахнулась в стороны. Блюменталь остолбенел и испуганно что-то бормотал насчет своей дипломатической неприкосновенности. (Между прочим, он хорошо говорил по-русски.) Но мы, изображая рьяных агентов МУРа, не разбирающихся в дипломатии, уже успели надеть на него и на сапожника наручники и, очищая дорогу среди и без того почтительно расступающейся публики, быстро провели задержанных к стоявшим около главного входа двум машинам.

Через две-три минуты мы были в соседнем отделении милиции, где нас поджидал «дежурный по милиции» Зибрак. Не снимая с Блюменталья наручников, мы ввели его в кабинет «дежурного».

– Товарищ начальник, – доложил я, – вот задержанные по делу убийства.

– Обыскали их? – спросил Зибрак.

– Нет, не успели еще.

– Обыскать! – приказал «дежурный». И обратился к Блюменталю:

– Оружие есть?

– Что вы, какое оружие? – взволнованно залепетал обыскиваемый. – Тут какое-то недоразумение. Я представитель Латвии, дипломат, неприкосновенное лицо, у меня документы... Вы будете отвечать за это безобразие!

– Успокойтесь, гражданин. Сейчас все выясним. Документам тоже не всегда можно верить. Бывают и фальшивки, а также и приобрести документы можно не совсем обычным путем, – спокойно продолжал Зибрак.

В это время мы уже успели обыскать Блюменталья и положить на стол «дежурного» найденные у него золотые монеты царской чеканки на сумму около тысячи рублей и только после этого наконец «обнаружили» в боковом кармане пиджака его дипломатический паспорт.

Зибрак, взяв в руки паспорт, разыграл удивление и скомандовал:

– Снимите наручники. – И когда приказание было выполнено, обратился к Блюменталю:

– Еще раз прошу вас успокоиться. Я немедленно свяжусь с наркоинделом и вызову сюда представителя, который, конечно, должен знать вас в лицо. И если вы действительно торговый представитель Латвии, то нам останется только извиниться за это недоразумение. К сожалению, вы очень похожи на человека, которого мы разыскиваем. Мы обязаны выполнять свой долг – служба есть служба. А от ошибки, конечно, никто не гарантирован...

Зибрак тут же будто бы связался с наркоминделом по телефону и вызвал представителя, который в это время находился в соседней комнате, выжидая необходимую для его «приезда из наркоминдела» паузу, после которой он вошел к дежурному.

– Господин Блюменталь! – с удивлением обратился он к задержанному, – что тут произошло? Кто посмел вас задержать?

Ему коротко объяснили, в чем дело. Представитель наркоминдела начал отчитывать нас за допущенную ошибку и извиняться перед Блюменталем за недоразумение. Но потом, как бы вспомнив о золоте, грудой лежавшем на столе, добавил:

– Да-а-а, но, знаете ли... господин Блюменталь, весьма сожалею, но очень странно, что у вас оказалось такое количество золота... Боюсь, что мы вынуждены будем составить по этому поводу соответствующий акт. Конечно, это очень-очень неприятно, но придется пригласить для этой цели господина Озоляса.

Тут же по телефону был вызван полномочный представитель³³ буржуазной Латвии Озоляс. Пока ждали Озоляса, мы в другой комнате успели допросить «сапожника», зафиксировав его прежние показания о том, что он в течение года систематически получал у Блюменталья золото в монетах царской чеканки и приобрел для него на «черной бирже» доллары, драгоценности и другую иностранную валюту³⁴.

Латвийский посол Озоляс, прибыв в отделение и узнав, в чем дело, был крайне смущен произошедшим. Но делать было нечего. Груда золотых монет, изъятая из карманов Блюменталья, лежала на письменном столе, и последний не мог отрицать факт наличия золота у него. Правда, он упорно отрицал, что занимался этим ранее.

В итоге Озолясу и Блюменталю пришлось подписать акт об обнаружении у Блюменталья золотых монет, после чего оба они уехали. Сапожник был для видимости временно задержан, но вскоре освобожден. На следующий день к нам в отделение ЭКУ приехал известный в те годы фельетонист Михаил Кольцов, которому я рассказал все подробности операции, а через пару дней в «Правде» появился вышеуказанный фельетон под заглавием «Попросю вас выйти вон», где в собирательном образе начальника фигурировали голубые глаза Римского.

Этот фельетон, а также представление наркоминдела служили поводом к немедленной высылке из Советского Союза латвийского торгпреда Блюменталья. Но правительство буржуазной Латвии в связи с этим скандалом было вынуждено отозвать и посла Озоляса. Нам было известно, что за время пребывания в Москве Озоляс скупил массу ценностей: золотых вещей, икон, картин и т.п. Но как дипломатическое неприкосновенное лицо он был для нас недосыгаем. Поэтому, узнав о времени отъезда Озоляса в Латвию, мы через соответствующие каналы постарались обеспечить осмотр личных вещей Озоляса на латвийской границе таможенной охраной. К этому времени на границе «случайно» оказались некоторые корреспонденты иностранных газет, которые также «случайно» явились свидетелями осмотра, при котором у Озоляса было обнаружено много драгоценных картин, икон, золотых изделий и иностранной валюты.

Как нам стало известно впоследствии, отклики о результатах таможенного осмотра вещей Озоляса появились в иностранной печати и были перепечатаны в наших газетах. В связи с этим буржуазное правительство Латвии оказалось в затруднительном положении и вынуждено было судить Озоляса как спекулянта и контрабандиста. По слухам, он был осужден латвийским судом к пяти годам. Так закончилась дипломатическая карьера спекулянтво-антисоветчиков Озоляса и Блюменталья.

7. Давид-контрабандист

Нам стало известно, что в Москве проживает крупный нэпман, некий Розенберг (в фамилии не уверен), который закупает в Москве валюту, бриллианты и прочие ценности и

³³ Полномочные представители (полпреды) были в СССР. Речь идет, разумеется, о латвийском после.

³⁴ Так в тексте.

контрабандно переправляет их за границу. У него в Москве есть жена, проживающая по другому адресу.

Поскольку Розенберг в это время был за границей, мы решили сначала вызвать и допросить его жену, которая оказалась довольно красивой раскормленной нэпманкой, с презрением взиравшей на всех простых смертных. Во всех нас она вызывала чувство ненависти. Это была типичнейшая представительница буржуазии в самом плохом смысле этого слова. Нечего и говорить, что было совершенно бесполезно взывать к ее чувствам патриотизма или просто здравого смысла. Это была капиталистка до мозга костей, которая скорее погибла бы, но не указала места, где спрятаны деньги. На допросе она вела себя вызывающе нахально и не скрывала, что у нее и мужа имеются большие ценности:

– Умру, но ничего вам, сволочам, не скажу, – с презрительной миной глядя на меня, говорила она.

Не добившись от нее ничего, я распорядился, чтобы ее задержали и поместили в самую плохую камеру³⁵ (хотя в те годы особо плохих камер не было, везде были чистота и порядок³⁶), с удовольствием думая о том, как эта изнеженная нэпманка будет себя чувствовать в тюрьме после той роскоши, к которой она привыкла с детства.

Вскоре в Москву вернулся Розенберг, о чем нам сразу же сообщили. Источник рассказывал, что он – богатырского телосложения, всегда вооружен, и поэтому арестовывать его надо с большой осторожностью. Но прежде чем предпринимать задержание Розенберга, нам необходимо было выяснить, с кем он имеет связь из иностранных посольств и каким путем переправляет ценности за границу.

Связанный с нами маклер сообщил, что Розенберг собирается в ближайшие дни с ним увидеться. Мы договорились с маклером, что он пригласит к себе Розенберга домой на ужин с тем, чтобы познакомить с известным одесским контрабандистом Давидом, который, мол, имеет связи на румынской границе. Розенберг заинтересовался одесским Давидом и с удовольствием принял предложение маклера отужинать у него.

Руководство ЭКУ долго обсуждало, кому поручить роль Давида: Римскому или мне, и наконец остановились на том, что его должен сыграть я. Мне подобрали замечательный импортный штатский костюм, в задний карман брюк я положил маленький револьвер. Возле квартиры маклера на улице была поставлена охрана из нескольких человек, с которыми заранее было условлено, что как только интересующие нас сведения будут от Розенберга получены, я подойду к окну, открою его и закурю папиросу (дело было летом). Мы также условились, что в аварийном случае кто-либо из нас – я, маклер или его жена, которая также была посвящена в суть дела, – должны были чем-нибудь разбить оконное стекло и тогда наши работники вбегут в квартиру.

И вот в условленный вечер за ужином у маклера встретились контрабандист-валютчик Розенберг и «Давид из Одессы». Когда Розенберг вошел в квартиру маклера и я увидел его могучую широкоплечую фигуру, то невольно подумал, что такой атлет может без труда одной рукой нокаутировать лошадь, и мне стало немного не по себе.

Мы разговорились. Розенберг очень интересовался моими связями на румынской границе. Я с апломбом сообщил ему, что у меня там полный порядок и повсюду есть «свои люди». Розенберг спросил, не могу ли я помочь ему в переходе через границу в Румынию и сколько это будет стоить?

– Камушки у меня имеются, – с гордостью добавил он, намекая на наличие у него бриллиантов.

Я заверил его, что постараюсь это дело организовать, а затем начал осторожно расспрашивать его, где и какие связи имеет он для перехода границы. За ужином мы специально сели таким образом, чтобы я оказался между маклером и его женой, на случай, чтобы Розенберг не заметил, что у меня в заднем кармане оружие и не мог дотянуться до него.

³⁵ Откровенное указание давления на арестованных с помощью тяжелых условий содержания. Признание чекистского начальника о наличии «плохих» камер весьма показательны.

³⁶ Явная неправда.

Розенберг много пил и все время уговаривал пить и меня. В то время я вообще почти никогда не пил даже вина, а тем более водку, но здесь хоть немного, но пришлось выпить. И уже после первой рюмки у меня зашумело в голове. Тогда я стал нажимать на фаршированную рыбу и усиленно пить газированную воду с сиропом из стоявших на столе сифонов, пытаюсь сделать вид, что пью вино. Но Розенберг продолжал приставать ко мне, чтобы я пил вместе с ним. Тогда я стал говорить, что моя профессия контрабандиста приучила меня к трезвости, потому что при совершении опасных дел я всегда должен быть начеку и иметь свежую голову. В конце концов его, по-видимому, удовлетворили мои объяснения, но сам он пил все больше и больше и становился разговорчивым. Когда мы стали с ним обмениваться мнением насчет «лягашей» (то есть работников ГПУ и милиции), Розенберг вдруг с ненавистью произнес:

– Моя жена передала мне, что ее допрашивал какой-то негодяй Шрейдер! (каким образом Розенберг узнал об этом, мне неизвестно, так как переписка его жене не была разрешена³⁷.) Вот сволочь! Ведь еврей и своих «засыпает». Да еще поместил жену в самую паршивую камеру. Попадись он мне, я бы его, подлеца, удавил голыми руками, – и он с силой стукнул по столу своим огромным кулачищем.

У меня по спине пробежал неприятный холодок. Но вскоре мне удалось узнать от Ротенберга почти все, что нас интересовало.

– Ох, как жарко, – сказал я, подошел к окну, открыл его и чиркнул спичкой, закуривая папиросу.

В ту же минуту наши работники, находящиеся на улице, позвонили в квартиру, но не один раз, как надо было звонить маклеру, а три раза – соседям. Те открыли и, узнав, что это не к ним, постучали в дверь к маклеру и чей-то голос произнес:

– Тут к вам кто-то пришел.

Дверь раскрылась, и человек пять во главе с Римским ворвались в комнату с обнаженными револьверами.

– Руки вверх, – скомандовал Римский.

Все, в том числе и я, подняли руки. Мне и Розенбергу тут же надели наручники и всех четверых (маклера с женой тоже) посадили в машины и отправили в отделение. Римский специально грубо подталкивал меня в спину, когда мы шли к машине, говоря:

– Ну, иди, иди скорей, нечего...

В машине меня и Розенберга посадили рядом. Он на древнееврейском языке вполголоса сказал:

– Молчи обо всем.

Я пробормотал что-то в подтверждение. На нас закричали и приказали молчать. По прибытии в отделение Розенберга обыскали и нашли у него два крупных бриллианта, каратов по десять каждый, и отправили в камеру.

На следующий день, когда я в чекистской форме сидел у себя в кабинете, привели на допрос Розенберга. Переступив порог кабинета, он остолбенел.

– Ну, теперь познакомимся, гражданин Розенберг, – сказал я, указывая ему на стул. – Я и есть тот самый «негодяй Шрейдер», как вы изволили вчера заметить, который поместил вашу жену в плохую камеру.

В дальнейшем следствие по делу Розенберга вел Римский. Розенберг был осужден Коллегией ОГПУ, не помню уже на какой срок.

8. Драгоценные орехи

Один из наших осведомителей сообщила, что в семье бывших крупных торговцев имеется много бриллиантов (осведомительница была в каких-то родственных отношениях с этой семьей).

– Когда мы будем производить обыск, – предупредила она, – то ищите, как обычно, во всех местах. А под конец обратите внимание на орехи. У них на буфете и на столе вазы с орехами. Попросите один орешек попробовать, из левой вазы на буфете.

³⁷ Утечка сведений через тюремный персонал была всегдашней проблемой чекистов и милиции.

Мы так и сделали. Отправились по указанному адресу, произвели тщательный обыск по всем правилам. Ничего, конечно, не нашли, а потом я, подойдя к буфету и положив руку на левую вазу с орехами, спросил хозяйку, глядя на нее в упор:

– Разрешите попробовать орешек!

Хозяйка сразу потеряла самообладание и схватилась рукою за сердце.

– Конечно, пожалуйста, – почти теряя сознание, пролепетала она, пододвигая мне блюдо с орехами, стоящее на столе.

Но я все же взял орех, как мне было подсказано осведомительницей, из левой вазы, расколол его и в нем обнаружил несколько бриллиантов. Тут уж мы раскололи подряд все орехи и нашли бриллианты не только в орехах из левой вазы, но и в некоторых орехах в остальных вазах. Всего бриллиантов было обнаружено на очень большую сумму.

Под конец обыска хозяйка, уже успокоившись и пылая мстительным огнем, допытывалась у меня:

– Теперь мне уже все равно, но, пожалуйста, скажите, кто вам выдал нашу тайну?

– Ну что вы, какая тайна, – с невинным видом утверждал я. – Просто мне захотелось попробовать орешек.

Конечно, мне неизвестно, узнала ли когда-нибудь владелица бриллиантов, кто оказался виновником ее несчастья. Не исключено, что чем-то обиженная родственница впоследствии сама проболталась.

В те годы довольно часто случалось, что люди, связанные какими-либо родственными отношениями, неожиданно оказывались в резко враждебных друг к другу отношениях. Как пример можно привести следующий случай. В одном доме я познакомился с шофером, работающим в иностранном посольстве. Его отец был владельцем большого шляпного магазина на Кузнецком мосту. Когда шофер услышал, что органами ГПУ проводятся валютные операции, так как советскому государству требуется валюта и золото для индустриализации страны, он заявил, что у его дедушки в Угличе имеется большое количество золота и драгоценностей.

Вдвоем с ним мы съездили в Углич и в огороде возле дома деда нашли закопанными золото и иностранную валюту. Эта операция никаких арестов за собою не повлекла, но нетрудно себе представить, какие проклятия посылали на голову сына и внука стяжатели отец и дед.

9. Поездка в Белоруссию

Наиболее крупными очагами сферы деятельности спекулянтов-валютчиков считались Украина и Белоруссия. Органы ОГПУ Украины довольно успешно изымали иностранную валюту и золото у спекулянтов. Валютной группой там руководил работник ЭКУ (ГПУ) Украины Шор. Что же касается Белоруссии, то там не все шло гладко. По существу, во всем ГПУ Белоруссии был только один работник, являвшийся грозой валютчиков и спекулянтов – уполномоченный ЭКО Голубовский³⁸. Лично я знал Голубовского с 1921 г. в бытность мою в погранотряде № 4 в городе Слуцке. Голубовский тогда работал в Транспортном отделе ГПУ и все время разъезжал в поездах по линии Минск – Осиповичи, Осиповичи – Слуцк и др., вылавливая спекулянтов, причем его популярность как самого ловкого советского сыщика вскоре среди спекулянтов стала так велика, что они его именем пугали своих детей.

Конечно, один Голубовский не мог охватить всех и вся, а ему больше почти никто не помогал и результаты работы по борьбе с валютчиками были явно недостаточны. Поэтому было решено направить в Белоруссию оперативную группу из Центра. Перед группой ставились следующие задачи: 1) выявить спекулянтов-валютчиков и изъять у них валюту и золото; и 2) произвести скупку валюты не только на территории Белоруссии, но и за ее пределами, т.е. за пограничными станциями.

³⁸ **Голубовский Яков Шахнович**, работник ВЧК-НКВД, в 1930 был сотрудником опергруппы погранвойск ОГПУ, за что награжден орд. Трудового Красного Знамени Белорусской ССР (19.12.1930). В сентябре 1936 по болезни уволен в запас с должности пом. оперуполномоченного ЭКО УНКВД по Ленинградской обл., мл. лейтенант ГБ.

Мне поручили возглавить эту группу. После тщательной проверки было отобрано 8–10 человек известных московских валютчиков, пользующихся доверием в так называемых спекулянтских «деловых кругах». (Конечно, это были валютчики, сдавшие уже свои накопления и проверенные на практической работе по выполнению наших оперативных заданий.) Последние должны были в Белоруссии выявлять валютчиков и одновременно скупать у них валюту за советские деньги.

Все отобранные люди были представлены руководителям ЭКУ Прокофьеву и Миرونу, которые с ними переговорили, а затем их кандидатуры были утверждены³⁹. В финотдел ГПУ Белоруссии на мое имя была переведена крупная сумма советскими деньгами. Председателем ОГПУ т. Менжинским было дано распоряжение полномочному представителю ГПУ Белоруссии, знакомому мне еще по Вильно с 1919 г. Ромуальду Пиляру оказывать нашей группе всяческое содействие и помощь, а также выделить в наше распоряжение требуемое количество помощников.

Ромуальд Пиляр был высоким и худощавым человеком, на первый взгляд казавшийся мрачным и замкнутым, но на деле был хорошим товарищем и прекрасным оперативником. Поляк по национальности, он страстно ненавидел буржуазный диктаторский режим пилсудчиков.

В разделе виленских воспоминаний я уже упоминал, что весной 1919 г. Пиляр раненым был захвачен в плен белополяками и содержался в городской тюрьме (кажется, в Лукишской, точно не знаю). Позднее кто-то из товарищей виленчан рассказывал мне об эпизоде, относящемся к периоду нахождения Пиляра в тюрьме. Однажды в тюрьму в сопровождении высших полицейских чинов явился польский диктатор Иозеф Пилсудский. Когда он со своей свитой зашел в камеру, где находился Пиляр и другие коммунисты, комендант тюрьмы дал команду: «Начность» (т.е. «Встать, смирно!»), и кое-кто из заключенных, измученных и избитых на допросах и морально подавленных, невольно стал подниматься на ноги. Тогда Ромуальд Пиляр, спокойно сидя на месте, крикнул:

– Вольно! Садитесь, товарищи!

И все с радостью подчинились команде Пиляра.

Возмущенный Пилсудский и все польское начальство, резко повернувшись, вышли из камеры⁴⁰. Но как только за ними закрылась дверь, Пиляр и остальные товарищи громко и торжествующе запели Интернационал. Польские жандармы тут же снова вбежали в камеру и потребовали прекратить пение, но их никто не послушался.

Сколько времени Пиляр находился в тюрьме у пилсудчиков, я не знаю⁴¹, но помню, что его и ряд других польских коммунистов впоследствии обменяли на каких-то белополяков, находящихся у нас в качестве заложников.

Но возвращаюсь ко времени моего приезда в Минск в 1928 г. (или в начале 1929 г.). Когда я явился в кабинет в Пиляру, он был уже предупрежден о моем приезде и о моих полномочиях и принял меня по-дружески. На мое приветствие: «Здравствуйте, товарищ пэпэ (полномочный представитель)!» он иронически улыбнулся и, подойдя ко мне и дружески пожимая руку, сказал:

– Ну тебя к черту с твоим официальным пэпэ. Садись!

Пока я подробно излагал ему цель приезда и намеченный план поездки по ряду городов Белоруссии и на польско-советскую границу, Пиляр возбужденно ходил взад и вперед по кабинету, курил одну за другой папиросы и все время бросал окурки на пол.

– Почему вы не пользуетесь пепельницами, а бросаете окурки на пол? – шутливо укорил его я, показывая на стоящие на письменном столе пепельницы.

Но Пиляр досадливо махнул рукой, затем улыбнулся и снова стал ходить по кабинету и бросать окурки на пол. По-видимому, это вошло уже у него в привычку.

Обсуждая план операций нашей группы, я попросил Пиляра обеспечить ежедневную

³⁹ Наглядный пример внимания чекистского руководства к квалифицированной агентуре.

⁴⁰ При аналогичном поведении в советских тюрьмах заключенных ждало наказание.

⁴¹ Пиляр находился в польской тюрьме с мая по декабрь 1919.

отправку валюты в Москву. Начальником фельдъегерского отдела в ГПУ Минска работал Иванов-Ханин, знакомый мне еще по работе в Смоленске в 1921 г.

– Алло, Ханин? – тут же позвонил ему по телефону Пиляр. – К нам из Москвы приехал товарищ Шрейдер!.. Ага, знаете уже. Ну так вот, договоритесь с ним и обеспечьте все что нужно. И смотрите у меня, чтобы все было в порядке, – сделав упор на последних словах, закончил разговор Пиляр.

Потом он вызвал своего заместителя, также моего старого знакомого по Минску в 1919 г. Залина (Левина) и начальника ЭКО ПП Белоруссии Жукова, с которым меня познакомил. Наша группа приступила к работе. Прежде всего, когда выяснилось, что в Белоруссии не было квалифицированной агентуры по выявлению валютчиков, пришлось начать с выявления лиц, связанных с валютным миром, наладить агентурную работу путем вовлечения в качестве осведомителей местных маклеров и скупщиков валюты и через них наладить изъятие и скупку валюты. Вскоре эта работа наладилась.

В период нахождения нашей группы в Белоруссии Иванов-Ханин ежедневно отправлял в Москву специального фельдъегера с иностранной валютой и золотом, к которым прилагались соответствующие отчеты о проведенных операциях. Кроме того, я каждый день посылал в Москву шифрованные телеграфные отчеты.

Наладив работу в Минске и организовав скупку золота и валюты за пределами новой границы на территории бывшей белой Польши, согласно указаниям Москвы, я выехал для проверки работы по борьбе с валютчиками в города Витебск и Гомель. В этой поездке со мною был заместитель ПП Белоруссии Залин и начальник валютной группы ЭКО Цюрупа (?).

В Витебске начальником окружного отдела ГПУ был знакомый мне по Минску как начальник особого пограничного отделения № 3 Жан Рояльви⁴². Это был старый большевик, опытный чекист и человек большой культуры. Никто никогда не слышал, чтобы Жан Рояльви разговаривал с кем-нибудь в повышенном тоне. Между прочим, я в то время не знал, какой он был национальности. Тогда национальности не придавали никакого значения. (Только в 1960 г., побывав в Витебске, я узнал, что он был литовцем.)

Как нас информировал начальник ЭКО Витебского окружного отдела, у них имелась хорошая агентура, и она дела по изъятию валюты наладит. Тем не менее я попросил начальника ЭКО организовать мне в тот же день встречу с его агентами в разные часы. Через два-три часа он доложил, что связался с тремя агентами, которые будут на явочной квартире. Мы вместе с Залиным и начальником ЭКО направились на явочную квартиру, находившуюся в глубине какого-то двора на втором этаже, и уселись поджидать агентов. Само собой разумеется, что все мы были в штатских костюмах.

Окно в комнате было открыто, дело было летом. Минут через двадцать мы услышали громкий разговор:

– Скажите, пожалуйста, – спрашивал с сильным еврейским акцентом какой-то мужчина, – где здесь тайная квартира ГПУ?

Какая-то женщина ответила, что впервые слышит подобный вопрос и что таких квартир у них в доме нет. Насколько было возможно, я приблизился к окну и увидел старика еврея с черной бородой, который крутился по двору, вопрошая всех о «тайной квартире». На его громкий голос из квартир высыпали жильцы, некоторые выглядывали в окна, и все, недоумевая, подтверждали ему, что никакой тайной квартиры ГПУ они не знают. Нам, конечно, ничего более не оставалось, как переждать минут двадцать в квартире, а потом потихоньку убраться оттуда.

Начальник ЭКО за свою «замечательную» работу получил 10 суток ареста и вскоре

⁴² **Рояльви (Ройяльви) Жан Вильевич (Вернерович)** (1892–1958, Москва). Капитан милиции (16.08.1936). Чл. компартии с 1918. Урожд. Ковно, литовец, из рабочих. С 1921 в ВЧК-НКВД. В 1921–1923 – нач. пограничного особого отделения № 3 ГПУ Белорусской ССР (Минск). В 1923–1924 – нач. пограносотделения № 6 в местечке Койданово Минской обл., нач. 13-го Койдановского погранотряда ПП ОГПУ по Западному округу. В 1928 – нач. Витебского облотдела ПП ОГПУ по БелВО. В 1931 – пом. начальника оперсектора ОГПУ и член тройки. Награжден орденом Трудового Красного Знамени БССР (16.02.1928), знаком «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (5)». На 1938 – нач. общего отдела УРКМ НКВД в Москве.

вообще был снят с работы. В связи с этим Залину и мне пришлось задержаться на несколько дней, чтобы наладить агентурную работу и помочь вновь назначенному товарищу.

На следующий день я попросил, чтобы ко мне пригласили знаменитого агента с черной бородой. При личном свидании с ним выяснилось, что это абсолютно безграмотный, очень бедный человек. Когда-то он получил от родственников из Америки незначительный денежный перевод, доллары продал, был задержан и в связи с этим дал согласие помогать органам выявлять валютчиков. Но после этого больше его никто не видел и он никого не видел. А в тот день, когда он был приглашен на явочную квартиру, к нему в полной форме пришел работник ЭКО и сказал, что он должен явиться по указанному адресу на прием. Старик был уверен, что «тайная квартира» вполне официальное учреждение, о котором должны знать все жильцы. Поэтому он открыто навёл справки о ее местонахождении во дворе. Мы, конечно, освободили его от обязанностей агента, проинструктировав о неразглашении случившегося.

В Гомеле дело обстояло лучше. Там начальником окружного отдела ГПУ был Карягин (позднее я встречал его в должности начальника АХО ГПУ Москвы и Московской области), начальником ЭКО был Кац⁴³, очень образованный по тому времени человек, энергичный чекист, хотя и беспартийный. С начальником одного из отделений СПО [А.П.] Радзивилловским я был уже немного знаком по Крыму. (Вскоре Радзивилловский был переведен в Москву и получил комнату в той же квартире, где жил и я, освобожденную Серафимом Арсатьянцем, братом [чекиста] Сергея.)

Начальником ИНФО в Гомеле был [П.С.] Симановский. (В период ежовщины он и Радзивилловский, оказавшиеся талантливыми фальсификаторами, были выдвинуты на должности начальников облуправлений НКВД.) Задерживаться в Гомеле не пришлось, и я вернулся в Минск, откуда, распрощавшись с Пиляром и другими товарищами, направился в Москву, так как все наши денежные и коммерческие операции были успешно закончены.

Начальник Финотдела ОГПУ Берензон⁴⁴, просмотрев мой отчет о работе в Белоруссии, выразил одобрение по поводу аккуратности и точности финансовых операций. В моем присутствии он позвонил по телефону зам. начальника ЭКУ Миронову и сказал:

– Молодец ваш валютный король. Ворочали там миллионами, и ни на одну копейку нет расхождения по отчетам.

(Берензон славился доскональным знанием финансового дела и невероятной оперативностью. Органами ОГПУ в один и тот же день был послан правительству рапорт об окончании строительства «Волго-канала» и финансовый отчет о нем. Рассказывали, что подобный, невиданный до сих пор случай поразил Сталина, который решил назначить Берензона заместителем наркома финансов. Менжинскому и другим руководящим работникам пришлось долго доказывать Сталину, что Берензон необходим для органов, так как его перевод в наркомфин может плохо отразиться на финансовых делах ряда важных строек, подведомственных ОГПУ.)

⁴³ **Кац Марк Исаевич** (1899–?). Чл. компартии с 1944. Уроженец г. Быхова Могилевской губ. В ВЧК-НКВД-МВД с 1920. Еврей, образование среднее. Работник ГПУ БССР. До мая 1935 – нач. отделения ЭКО УГБ НКВД Белорусской ССР, затем зам. нач. отдела мест заключения НКВД БелССР, мл. лейтенант ГБ (1937). С 1937 – инспектор при наркомвнудел БелССР. В январе 1938 снят и откомандирован в ГУЛАГ НКВД, пом. нач. Дальлага НКВД. До 1954 работал в системе лагерей; на апрель 1946 – зам. нач. Управления Нижне-Амурского ИТЛ МВД, майор. Награжден орденом Трудового Красного Знамени БелССР, орденами Красного Знамени и Ленина.

⁴⁴ **Берензон Лазарь Израилевич** (1898–1956). Дивинтендант (1936), ген.-майор интендантской службы (1943). Беспартийный. Из семьи биржевого маклера, еврей, окончил два курса юрфака Московского ун-та (1918). С апреля 1918 на разных должностях в финотделе НКВД РСФСР. В органах ГБ с 1920. С июля 1921 по июль 1934 – нач. финотдела ВЧК-ОГПУ СССР, одновременно в 1922–1930 – нач. финотдела НКВД РСФСР. С 1931 – нач. финотдела ГУМ и угрозыска при СНК РСФСР. С 1932 – нач. финотдела строительства канала «Москва-Волга» ОГПУ СССР, с июля 1934 – нач. финотдела НКВД СССР. В 1940–1941 – зам. нач. ГУЛАГа НКВД СССР, затем нач. финотдела НКВД СССР (до 1946). С 1947 – ст. инспектор при нач. тыла МВС СССР, с декабря 1949 уволен в отставку. Награды: ордена Красной Звезды (1933), Красного Знамени (1944), Ленина (1945), Трудового Красного Знамени (1945).

10. Акционерное общество «Гармония»

В районе Красной площади, не то на Ильинке, не то на бывшей Никольской (точно не помню), в 1928 г. находилось частное акционерное общество «Гармония». Председателем правления общества был армянин Амирагов. Он имел собственный особняк где-то на 3-й Тверской-Ямской (дом № 38), в котором, кроме его семьи, никто не жил. Особняк был окружен небольшим садиком.

Сам Амирагов был уже довольно старый человек, а жена у него (Маруся) была более чем на 20 лет моложе его, красивая русская девушка, блондинка. У них была маленькая девочка.

К нам поступили данные о том, что в акционерном обществе «Гармония» производятся баратные операции, т.е. перевод капиталов за границу. Операции эти нелегально могли производиться только через какое-либо иностранное посольство, следовательно, можно было предполагать, что тут имеет место и шпионаж.

Проверка полученных данных подтвердила, что члены акционерного общества «Гармония» скупают доллары, фунты стерлингов, шведские кроны, а также бриллианты и золото в монетах и изделиях. Предварительным расследованием была также установлена связь председателя правления Амирагова с французским посольством. После сбора всех этих материалов прокурор дал санкцию на арест Амирагова.

Во время обыска в квартире Амирагова ничего найдено не было, кроме облигаций советского займа, который тогда котировался наравне с золотом. Ни валюты, ни золота не нашли. Обыск производили Римский, Валентин Жуков, Володя Попов-Пузаков и я.

На допросах во время следствия Амирагов вел себя вызывающе. Он говорил, что считает свой арест недоразумением, ссылаясь на знакомство с товарищем Микояном, а когда его спрашивали о валюте и золоте, он категорически отрицал не только наличие чего-либо подобного у него дома, но и утверждал, что вообще никогда никакими валютными операциями не занимался.

В подтверждение своих слов он написал заявление в три адреса: нам следователям, руководству ОГПУ и Прокурору СССР примерно такого содержания:

«Если когда-нибудь у меня дома будет обнаружен хоть один доллар или золотая монета, то пусть меня расстреляют».

Не добившись никакого толку от Амирагова, я вызвал к себе в кабинет его жену. Мы поговорили с нею, что называется, по душам. Я начал убеждать ее, что улики против Амирагова настолько серьезны и неопровержимы, что мы все равно не успокоимся, пока не найдем валюту, и разъяснял ей, насколько сейчас валюта необходима советскому государству для восстановления народного хозяйства, для приобретения станков, машин, а скупать золото и валюту и переводить все это за границу – подлость по отношению к советским гражданам и к русским людям, и в этой подлости активное участие принимает ее старый муж.

– Я не верю, что вы любите мужа, – говорил я ей, – ведь он вам в отцы годится. Он просто купил вас, соблазнил деньгами. А зачем вам это? Вы молодая и красивая женщина, у вас все впереди. Если вы поможете нам раскрыть преступление, то вам с ребенком будут оставлены все советские деньги и облигации, принадлежащие вашему мужу (облигаций у Амирагова было найдено на очень крупную сумму), а валюту все равно придется отдать государству.

Жена Амирагова была неплохая женщина, и, как я, видимо, правильно угадал, мужа она не любила. Уж слишком большая была между ними разница в возрасте и, кроме того, он вообще был малоприятным человеком. В общем, в результате наших уговоров она сказала, что покажет нам место, где муж прячет валюту.

В тот же вечер я и Римский вместе с нею отправились на 3-ю Тверскую-Ямскую в особнячок к Амираговым, где мы ранее безуспешно производили обыск. Маруся провела нас прямо на чердак, и тут мы увидели, что в деревянных балках перекрытия были выдолблены четырехугольные гнезда, прикрытые тонким слоем дерева, в которых находились свертки и

коробки с долларами, шведскими кронами и другой валютой, а также масса бриллиантов, золотых монет и других драгоценных изделий. Одной валюты было найдено на чердаке около полумиллиона в долларовом исчислении.

В одной из коробок с драгоценностями была обнаружена расписка какого-то сотрудника французского посольства в получении от Амирагова очередной партии валюты для переотправки за границу. Мы тут же составили акт и сдали всю валюту и ценности в Финотдел, а коробки из-под валюты я взял с собою. Возвратившись к себе в кабинет, я вызвал Амирагова к себе:

– Ну так что же, Амирагов, вы по-прежнему настаиваете на том, чтобы вас расстреляли, если мы найдем хоть несколько долларов у вас в доме? – спросил я.

Он ответил утвердительно и в подтверждение своих слов написал еще одно, четвертое по счету заявление примерно с тем же текстом, что и три первых. Тогда я приоткрыл ящик письменного стола и вынул сначала одну, затем вторую и третью коробки из-под валюты. Амирагов замер на полуслове, все понял и зарыдал. Игра была проиграна. Он тут же назвал всех членов акционерного общества, занимающихся скупкой валюты и драгоценностей.

Наши работники произвели обыски, во время которых у каждого из названных членов общества было обнаружено по несколько десятков тысяч долларов и другие ценности. Амирагов признался, что за перевод валюты за границу французская разведка требовала с него соответствующей компенсации в виде интересующих разведку сведений, которые он и передавал через одного из сотрудников посольства.

После признания Амирагова я отправился к заместителю председателя ОГПУ [С.А.] Мессингу доложить об этом деле. Выслушав мой доклад, он с возмущением воскликнул:

– Вот сволочь какая! Ну что ж, я – за расстрел. Таких гадов надо стрелять.

Затем я отправился к Прокурору СССР Рубену Павловичу Катаньяну:

– Ну, Рубен Павлович, сегодня я к вам, как говорится, с самым вкусом, – еще с порога начал докладывать ему я, – валютчик, шпион и, увы, ваш соотечественник, армянин.

– Что ты говоришь? – с деланным возмущением заговорил Катаньян, – неужели у армян бывают такие мерзавцы?

– Как же, Рубен Павлович. Ведь недаром говорят, что там, где пройдет один армянин, десяти евреям делать нечего.

Разбирая материалы следствия и увидев, что, кроме заявления, адресованного на его имя, есть еще три таких же заявления Амирагова с просьбой расстрелять его, Рубен Павлович сказал:

– Ну раз человек так просит, то надо уважить. Четыре раза расстрелять, конечно, трудно, но один раз сделаем.

И написал резолюцию: «Расстрелять»⁴⁵.

Несколько позднее от заместителя председателя ОГПУ Мессинга я узнал, что когда он рассказал об этом деле Анастасу Ивановичу Микояну, на которого в период следствия неоднократно ссылался Амирагов, Микоян, выслушав рассказ, сказал:

– Да, я знаю такого. Большая сволочь и жулик. Правильно сделаете, если расстреляете⁴⁶.

Акционерное общество «Гармония» как спекулянтское было распущено, имущество конфисковано, а члены правления, занимавшиеся спекуляцией валютой, осуждены на разные сроки. На деньги, переведенные за границу, Амирагов дал нам договоренность, и они впоследствии были возвращены в Государственный банк СССР.

Жене Амирагова и девочке была оставлена очень большая сумма денег и облигаций золотого займа. Когда я пришел к заместителю начальника ЭКУ Миронову подписывать решение об этом, он с сомнением покачал головой:

⁴⁵ Характерная черта внесудебной юстиции – для казни достаточно резолюции высокопоставленного чиновника, представляющего контрольный государственный орган.

⁴⁶ Очередное свидетельство влияния партийно-государственных чиновников на решения судебных и внесудебных инстанций. Фамилия Амирагова в списках реабилитированных не обнаружена.

– Это невозможно. Таковую огромную сумму оставлять жене и одному ребенку. Ведь она молодая женщина, будет работать.

– Ей было обещано нами за оказанную помощь оставить все облигации и деньги, – разъяснил я.

– Ну раз обещано, ладно уж... Но все-таки очень уж много, – повторил Миронов, со вздохом визируя решение.

(В 1964 или 1965 г. я встретился у друзей с женой одного из руководящих работников ОГПУ того времени. Услышав от меня рассказ о деле Амирагова, она сказала, что несколько раз бывала в особняке на 3-й Мещанской у Маруси Амираговой, где собирались большие и веселые компании, и бывала, кроме нее, жена еще одного из сотрудников ОГПУ. Надо полагать, Амирагов пытался привлечь в свою компанию сотрудников ОГПУ, чтобы в случае чего иметь там приятелей.)

В период, когда следствие по делу Амирагова только начиналось, как-то вечером к нам в отделение зашел оперуполномоченный другого отделения ЭКУ Ефим Гуров. Он поинтересовался, как идет следствие, и как бы между прочим сказал, что Амирагов неплохой парень и вряд ли наши агентурные данные имеют серьезные обоснования. Затем через несколько дней, придя вторично, он опять поинтересовался, как идет следствие по делу Амирагова и какие тот дает показания, о чем рассказывает.

Мне и Римскому показался немного странным его повышенный интерес к Амирагову, но тогда мы не придали этому значения. Каково же было наше удивление, когда в конце следствия, после того как судьба Амирагова была уже предрешена, он, пытаясь полной откровенностью добиться смягчения приговора, начал рассказывать историю своих финансовых успехов, связанных с Гуровым. Оказывается, еще в первые годы нэпа Амирагов открыл в Москве табачный магазин. Ему удалось завязать знакомство с тогдашним руководящим работником Моссельпрома Гуровым, у которого он за взятки получал большое количество самых лучших сортов табака. Это и дало Амирагову возможность сколотить капитал и позднее подниматься все выше и выше, дойдя до председателя акционерного общества «Гармония».

И вот перед нами встал вопрос о необходимости немедленного разоблачения как взяточника в прошлом оперуполномоченного ЭКУ Гурова, да к тому же еще любимца начальника ЭКУ Прокофьева. Тем не менее я не мог допустить, чтобы взяточник оставался в органах. Придя к Прокофьеву с докладом по делу Амирагова, я рассказал и о показаниях, данных Амираговым на Гурова.

Прокофьеву мое сообщение явно пришлось не по душе и он всячески пытался уговорить меня не придавать этому делу гласности, говоря, что все это, вероятно, сильно преувеличено и относится к давнему времени, и приводил другие, в этом же роде малосостоятельные доводы.

Видя, что я не в силах лично убедить Прокофьева в необходимости принять меры в отношении Гурова, я выступил на общем партийном собрании ОГПУ, где рассказал о деле Амирагова и его показаниях, и, что называется, с высокой трибуны объявил, что Гуров в прошлом взяточник и недостоин оставаться в органах, а начальник ЭКУ Прокофьев, руководствуясь какими-то дружескими связями, покрывает Гурова и не хочет сделать из наших материалов соответствующих выводов. После меня выступил ряд работников ЭКУ, в том числе секретарь парторганизации А.П. Рыбкин, которые горячо меня поддержали.

По окончании собрания, при выходе из клуба, Прокофьев подошел ко мне, подхватил под руку и, провожая вниз по Кузнецкому, начал говорить, что я не так его понял, что он и сам хотел расправиться с Гуровым, но мне не надо было выступать так резко и откровенно. Затем Прокофьев рассказал, что в период гражданской войны Гуров был председателем ревтрибунала и хорошим коммунистом, и он, Прокофьев, работал вместе с ним.

– И знаете, если уж быть до конца откровенным, ведь это я рекомендовал Гурова в органы, – доверительно добавил он.

– Георгий Евгеньевич, – решительно возразил я, – если бы я даже знал, что Гуров ваш ставленник, я все равно выступил бы.

Прокофьев отпустил мою руку и, отступив от меня, серьезно посмотрел мне в лицо:

– Ну и анархист же вы!.. Но, хотя разоблачая Гурова, вы задели и меня, все же вы молодец, что так смело и принципиально отстаиваете свою точку зрения.

После этого партсобрания Гуров получил какое-то взыскание и был снят с работы в органах. Однако он ничего не проиграл на этом деле, потому что тут же попал в помощники к Н.А. Булганину⁴⁷ в Моссовет. Оказалось, что Булганин также в прошлые годы был связан по работе с Гуровым и взял его под свое крылышко. И хотя мое выступление помогло убрать Гурова из органов, все же не пресекло его успешной карьеры на другом не менее важном государственном поприще.

Много лет спустя, в 1954–1955 гг., когда Гуров, как и многие другие, возвратился из лагеря, где отбывал наказание (не знаю за что и по какой статье), Н.А. Булганин, бывший в то время председателем Совета министров, устроил ему прекрасную квартиру на ул. Горького, хорошую пенсию и прочие блага. Старое знакомство и здесь выручило и поставило в особо выгодные условия «невинно пострадавшего», хотя этот человек запятнал себя еще в первые послереволюционные годы позорным клеймом взяточника.

Архив НИПЦ «Мемориал» (Москва). Ф. 2. Оп. 2. Д. 100. Л. 323–369.

⁴⁷ **Булганин Николай Александрович** (1895–24.02.1975, Москва). В 1931–1937 – председатель исполкома Моссовета. В 1955–1958 – председатель Совмина СССР.